

18+

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

**ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА
НАД ФАШИЗМОМ**

Нелли Копейкина

**Взгляд в прошлое. Великая
Победа над фашизмом**

«Издательские решения»

Копейкина Н.

Взгляд в прошлое. Великая Победа над фашизмом /
Н. Копейкина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988354-4

Настоящий сборник составлен в ознаменование 75-летия Великой Победы над фашизмом и является данью памяти героизму многонационального советского народа, проявленному в годы Великой Отечественной войны. В нём представлены произведения современных авторов по тематике «Великая Отечественная война. Великая Победа».

ISBN 978-5-44-988354-4

© Копейкина Н.
© Издательские решения

Содержание

Владимир Аверкиев	7
Эпизоды жизни война	7
Марк Агатов	9
Рядовой СМЕРША	10
«У вашей мамы очень больное сердце!»	12
Александров Сергей Васильевич	14
Иван Иванович	14
Дядя Володя	19
Дед	24
Находка	27
Возвращение	28
Татьяна Аржакова	29
Новобранцев стрелковая рота	29
Медсестричка	30
День Победы	31
Юрий Бадтиев	32
Вдовий сон	32
Дело под Москвой	33
«Боевая подруга»	34
Заслон	35
Иван Белогорохов	36
Змей Мидгарда	36
Сергей Берсенов	48
Голос Левитана	48
Задача	49
Поклонюсь...	50
Татьяна Бирюкова	51
Воспоминания о моем отце, участнике ВОВ	51
«Я был на войне не безусым юнцом...»	53
Валерий Богушев	54
Последний подвиг Ивана Солодова	54
Георгий Бойко	58
Директива	58
Ион Деген. Восемь строчек	61
Невидимый фронт	63
Владимир Бордюгов	64
На Сталинградский фронт	64
Я среди них. 1941	66
Прохоровка	67
Старшине	68
Повезло	69
Мы помним	70
Виктор Брылов	71
Красные флаги	71
Топлёное молоко	72
Георгий Бурцев	74

Миронов и Дуся	74
Стихи для детей	77
Георгий Гардин	81
22 Июня	81
Ветераны	83
Граница. 1941 год	84
Брестская крепость	86
Александр Голозубов	87
Возвращение сына с войны	87
Рассказ солдата	88
Александр Заблоцкий	89
Длинный день 20 августа 1945 года	89
Война	94
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Взгляд в прошлое Великая Победа над фашизмом

Нелли Копейкина *Составитель*

ISBN 978-5-4498-8354-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Победа Красной армии и советского народа над нацистской Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов имеет всемирно-историческое значение. Она в значительной степени определила дальнейшее развитие мировой культуры, мировой истории, мировой политики и мировой экономики. Как бы сложился мир, если бы не было Великой Победы, страшно представить. Но она была и есть.

Война на территории Советского Союза не вписывалась в тщательно разработанный генералами гитлеровской армии план военного захвата Советского Союза – «План Барбаросса». Война на востоке очень отличалась от войны на территории западных стран. Советский народ порушил сложившиеся представления немецких солдат и военачальников о военном противнике. Гитлеровцы не ожидали, что на территории СССР их противником будут не только вооружённые силы Красной армии, противником их будет весь многонациональный народ. Упорная борьба против захватчиков шла не только на линиях фронтов, но и в тылу, и на территориях, захваченных фашистами. Победа в Великой Отечественной войне советскому народу далась нелегко и стоила она очень дорого.

В произведениях, представленных в настоящем сборнике, отражается правдивый взгляд современных авторов на события военных лет. Произведения изданы в редакции и корректуре авторов.

Составитель сборника

Нелли Копейкина

Владимир Аверкиев г. Москва

Эпизоды жизни воина

7 ноября 1920 года в деревне Анисимовка, Карасукского района, Новосибирской области, в семье Григория Гапоненко родился мальчик. Анатолий, так его называли, рос в непростых условиях того времени. Суровый сибирский колорит налагал свой отпечаток на уклад жизни и воспитание детей. Способный к учебе мальчик рано проявил самостоятельность. Обладая музыкальными склонностями, Анатолий, подростком, играл в оркестре вместе со взрослыми мужиками, которые активно «подрабатывали» на свадьбах и похоронах. Можно только догадываться каким премудростям могли бы научить парнишку бывалые учителя. Но судьба распорядилась иначе.

Ленинград, 1939 год, Анатолий Гапоненко-курсант 1-го Ленинградского Краснознаменного артиллерийского училища им. Красного Октября (ЛАУ). В программе учебы: артстрелковая подготовка, а также строевая и физическая, матчасть, боевые стрельбы на полигоне под Лугой под названием «Ванькин бугор». А далее...

Война. Конец июля 1941 года, дивизион курсантов 1-го ЛАУ обороняется на одном из рубежей под Лугой. Это было в полосе наступления частей 56 моторизованного корпуса Эриха фон Манштейна, имевшего боевой опыт в странах Западной Европы. И вдруг, двенадцать подбитых немецких танков за день огневого противостояния... Многим курсантам не удалось выйти живыми из боя. На заключительном этапе сражения одно из уцелевших орудий оставалось в непосредственной близости от линии, на которую вышли танки противника. Трое курсантов по инициативе курсанта Гапоненко на уцелевшей машине направились по дороге в сторону противника. Немцы поняли маневр по-своему и зазывно махали руками. Через какое-то время, развернувшись, смельчаки подцепили орудие и на всех парах помчались в расположение своих войск. Немецкие танки открыли огонь, но снаряды ложились с большим перелетом из-за уровня цели ниже технически возможной минимальной дальности стрельбы танка. Учли и это артиллеристы! Рискованная операция увенчалась успехом.

После этого сражения А. Гапоненко было присвоено звание «лейтенант» и он отбыл на Урал на переподготовку командиров батарей реактивных минометов, которые позднее стали известны как «Катюши». Подготовку на новых установках БМ-13 проходили не только офицеры, но и водители машин. Требовались особые навыки вождения из-за того, что боевая машина имела повышенный центр тяжести, что уменьшало устойчивость при движении по сложному рельефу. Водителей подбирали с опытом вождения, да и возраст около сорока лет, а то и более. Анатолию Гапоненко не было и 20-ти. На замечания лейтенанта за оплошности в подготовке водители уважительно говорили: «не сердчай, сынок, научимся». После завершения учебы А. Г. Гапоненко был направлен в части реактивных минометов Резерва Главного Командования, принимавших участие в боях.

К лету 1942 года с потерей Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей экономическая база Советского Союза резко ослабла. В таких условиях оборона Кавказа приобретала жизненно важное для страны значение. Главнокомандование выполнение этой задачи возложило на войска Южного и Закавказского фронтов и также Северо-Кавказского фронта, которым командовал маршал Советского Союза С. М. Будённый. В мае-июле 1942 года Гвардии капитан А. Г. Гапоненко, командир 58 дивизиона 8 Гвардейского минометного полка Ставки Главного Верховного Командования в составе 12 армии, принимал участие в сраже-

ниях на Северо-Кавказском фронте. Шли арьергардные бои на рубеже Дона. Один из эпизодов, дающих представление о боевых возможностях реактивной артиллерии и о тех, кто владеет этим оружием, произошел на реке Северский Донец во время отступления наших войск. Дивизион «Катюш» приближался к единственному на этом участке мосту через реку, когда разведка донесла, что с севера к этому месту движется колонна немецких танков численностью до двух батальонов. По Красной Армии был приказ пропускать реактивную артиллерию через водные преграды в первую очередь. Переправившись с дивизионом на другой берег, капитан Гапоненко принял решение задержать продвижение немецких танков, которые уже начали разворачиваться в боевой порядок. Расположив «Катюши» в небольшом кустарнике, командир выслал на противоположный берег бронбойщиков с противотанковыми ружьями, которые из укрытий начали обстреливать танки и четыре машины из первой ротной колонны были подбиты. В это же время «Катюши» открыли настильный огонь по противнику. Рев снарядов, горящая от термитных зарядов земля, окутанные черным дымом танки заставили немцев повернуть обратно.

Колонны отступающих наших войск двигались дальше на юг. Дивизион «Катюш» догнала «эмка» с сидящим в ней капитаном НКВД, адъютантом командующего, который предложил командиру дивизиона сесть в его машину. Через час офицеры стояли перед командующим фронтом, который в большой палатке пил чай. Это был маршал Советского Союза С. М. Будённый. Последовал краткий доклад адъютанта: «Этот капитан обеспечил переправу двух дивизий без потерь». Маршал после недолгого раздумья произнес: «Героя ему». Сложные обстоятельства военного времени по-своему влияли на людские судьбы. Сталин не всегда утверждал представления на звание Героя Советского Союза, направляемые из отступающих войск. Позднее капитан Гапоненко был награжден орденом Ленина, но представление на звание Героя Советского Союза в личном деле осталось.

Сражения под Керчью и Новороссийском были весьма сложными страницами 1942—1943 гг. в истории Великой Отечественной. Превосходство противника в воздухе и нехватка техники и боеприпасов у наших войск приводили к серьезным потерям. Дивизион А. Г. Гапоненко перебрасывался с одного участка фронта на другой. Суровыми и трагичными были бои на оборонительном рубеже Севастополя в конце июня 1942 г., проходящем по известной Сапун-горе. Гвардейские минометы применялись в сложных условиях, перемещаясь по горным дорогам и бездорожью под постоянными ударами вражеской авиации. Ведь за «Катюшами» шла охота и с воздуха, и на земле. Несколько раз приходилось взрывать установки, вышедшие из строя, да и из опасения захвата врагом. В 1944—1945 гг. география участия артиллериста в боевых действиях существенно расширилась: Румыния, Германия, Чехословакия. День Победы Гвардии майор Гапоненко встретил в Праге.

Послевоенные годы службы кадрового военного имеют свою логику: Академия им. Фрунзе, новые назначения и переезды.

Награды А. Г. Гапоненко: Орден Ленина, Орден Боевого Красного Знамени, три Ордена Отечественной Войны, Орден Красной Звезды, 17 боевых медалей.

Марк Агатов

г. Москва

Для каждого крымчака история народа – это, прежде всего, история его семьи. А я решил вернуться в прошлое, чтобы рассказать о трагедии расстрелянного народа.

В детстве отец каждый вечер рассказывал мне о смелых воинах и лютых врагах земли крымской, о злых кочевниках и мудрых горцах. Но о чем бы ни была сказка, она всегда заканчивалась победой добра над злом. Верх одерживал всегда не колдун, не богатеи, не хитрецы, а маленький человек, бедняк, горемыка. И помогали ему любовь к земле своей и преданность людям. А когда я подрос, отец стал рассказывать о войне. Для меня война в то время была чем-то вроде сказки. Далекой и нереальной.

Теперь я рассказчик.

Рядовой СМЕРША (о моём отце)

Мне трудно сейчас представить, как до войны на евпаторийской набережной собирались молодые люди, заводили патефон и ставили на вращающийся диск пластинки с джазом Утесова. Они купались в море, загорали и радовались жизни, влюблялись, ревновали, совершали ради любимых безумные поступки. И ничем не отличались от нас, юношей семидесятых.

Мой отец был старшим в семье и по крымчакской традиции носил имя Борух – Борис, хотя в документах ему при рождении записали другое имя – Исаак. Так и прожил он свою трудную жизнь под двумя именами. Для друзей и родных он навсегда остался Борисом, то есть первым, старшим.

В сорок первом, в первый день войны, мой отец со своими братьями пришел к военкому: «Запишите добровольцем!» Мирный портной – невысокого роста, с огромными навывкате глазами, просился на фронт. Он умел шить, но не умел стрелять. Он ловко орудовал иглой, и совсем не умел рыть окопы... Он был сугубо штатским.

В дни ожидания отправки на фронт отец учился стрелять, ползать по-пластунски и бросать гранаты, и очень жалел, что наукой этой не овладел в детстве.

А сестрам в Евпаторию писал: «Перекоп не сдадим!». И на вопрос, нужно ли им эвакуироваться из Крыма, ответил коротко: «Поступайте, как все». Военный цензор все равно бы не пропустил «паническое письмо» с фронта.

Вначале они охраняли берег. Командование опасалось, что фашисты с моря высадят десант. А потом от черноморского берега – шли пешком к Перекопу. На рассвете их построили по отделениям и в полный рост подняли в первую атаку. Было голое поле, без холмов, без домов. Где-то там, вдали, укрепились фашисты.

Под ногами у сержанта Середы рванула мина, она разорвала его надвое, вторым шел пулеметчик Кривоносов, третьим – друг отца Саидов. Осколок попал ему в горло – и из обнаженной артерии струей била алая кровь.

Шестым шел отец. Осколки ударили в каску и руки...

В те минуты он повторял заученные на всю жизнь строки из книги о своем брате: «... Если погибну, я уверен, что мои братья добьют врага».

А потом появился фашистский танк, отец стрелял в него... из трехлинейки.

Слезы заливали глаза. Он обещал сестрам, что Перекоп фашисты не возьмут. Он, маленький портной, обещал остановить врага.

А потом, в конце войны, он узнал, что сестры его в муках погибли в фашистских душегубках. И преследовала отца всю жизнь вина за Перекоп, прорванный фронт и противотанковый ров близ Симферополя, где были захоронены расстрелянные и задушенные крымчаки.

В конце войны, в сорок пятом, отец оказался в СМЕРШе. В Военной контрразведке, название которой звучало вполне определено: «Смерть шпионам!». Он был автоматчиком, охранял военных преступников, выводил на допросы. Этой «высокой чести» он был удостоен из-за расстрелянных родственников в Крыму. Армейские кадровики в СМЕРШ отбирали солдат из тех бойцов, кто люто ненавидел фашистов и их прислужников, у кого были личные счета с врагом.

Отец рассказывал мне: не люди в эсэсовских мундирах знали о том, что у солдат роты охраны фашисты убили кого-то из близких, а то и всю семью.

Мне, пацану, интересно было узнать, а пытался ли кто-нибудь из них бежать.

– Только один эсэсовец, расстреливавший людей в Крыму.

– И ты стрелял в него? – спрашивал я.

На этот вопрос отец долго не отвечал, но когда я уже сам стал отцом, услышал:

«Тот эсэсовец до суда не дожил. Следователь СМЕРШа мне говорил, что он расстреливал евреев и крымчаков в Крыму. Я конвоировал убийцу по улицам немецкого города в тюрьму, и он бросился бежать. Я открыл огонь из автомата. Стрельбу услышали проезжавшие мимо пехотинцы. Когда они подъехали, эсэсовец был уже мертв.

Мой отец никогда не говорил о священной мести врагам, заталкивавших в душегубки и расстреливавших ни в чем не виновных людей. Он был добрым, мирным человеком и, сидя за швейной машинкой, любил петь крымчакские песни, рассказывать истории из жизни расстрелянного народа. И учил он меня простым вещам: добиваться в жизни всего самому, быть смелым, не жульничать и не прощать подонков.

А еще он меня просил написать книгу о крымчаках и о том времени, в котором они жили. Но так случилось, что первый мой рассказ был посвящен не крымчакам, а моей маме Пурим Валентине Семеновне. Она умерла на моих руках в евпаторийской больнице. У нее было больное сердце...

«У вашей мамы очень больное сердце!»

Сердце остановилось внезапно. Устало стучать, устало. Мама не дышит.

В системе, где только что капали прозрачные слезинки лекарств, – тишина. К маме бегут врачи, а я массирую сердце, страшно больное сердце. Как учили, четыре толчка – вдох, четыре удара – выдох.

Молоденький анестезиолог пытается интубировать трахею – неудача. А минуты уходят, и жизнь тоже.

– У вашей мамы неизлечимо больное сердце, – говорит мне врач.

Неизлечимо больное!

Я знаю, мамочка, когда оно заболело. В Севастополе.

Дул восточный ветер, злой, холодный. Он носился меж развалин, швырял охапки снега в лица людей. А они стояли на причале и ждали катер, чтоб переплыть через бухту на свою работу. Восемнадцатилетняя девчушка, ты стояла у самого края причала в тонком холодном пальтишке, нахохлившаяся, как воробышек. И вдруг из распиленного прожекторами неба кинулись на город три самолета. Над бухтой завывали сирены. Но люди на причале не шелохнулись. Они устали прятаться по двадцать раз в день от бомб, от снарядов, от войны. И ты стояла под осколками, безразличная к смерти, и ждала катер. Вы уже привыкли к бомбежкам – девчонки из ФЗО. Вам уже не было страшно.

Привыкли к бомбежкам. Это можно сказать о севастопольцах. О тех, кто защищал свой город, и о неприметных девчонках сорок второго. Вы не совершали подвиги. Вы просто работали на заводе, делали снаряды и гранаты. Те самые гранаты, с которыми матросы бросались под танки ненавистных фашистов. Вы не совершали громкие подвиги – вы работали!

Катер появился неожиданно и торопливо причалил. Еще не бросили сходни, а люди прыгали на корму. Кто-то нечаянно толкнул тебя в спину, и спасительный борт проскользнул в миллиметре от рук.

– Человек за бортом! – пронеслось над бухтой. В ледяную воду ринулся матрос. Он вцепился в твои волосы руками, стал грести к спасительному борту. А оттуда к вам тянулись мозолистые руки людей.

Фашистский летчик, заметив катер, пытался забросать его бомбами и, наверное, очень удивился тому, что маленькое суденышко не отходило от причала. Люди, рисковавшие каждую минуту своей жизнью, спасали тебя, мама! Раскаленный свинец хлестал по палубе, но девчонки из ФЗО тянули руки к попавшей в беду.

Севастопольцы!

Тебя растирали спиртом, пока катер шел к заводу. Согревали незнакомые люди.

И ты продолжала работать каждый день. С температурой, с ознобом ты стояла у станка, как и сотни твоих подруг.

Севастопольцы!

– У вашей мамы очень больное сердце!

А в этом году в газете ты увидела фото своих подруг из ФЗО. Тех самых девчонок, с которыми жила в общежитии и защищала Севастополь. Вы мечтали встретиться здесь, в Крыму, в Севастополе.

Но у моей мамы очень больное сердце.

Оно устало стучать. Врач колет иглой, длинной-длинной.

Но больше не бьется пульс.

На улицах мы каждый день встречаем незаметных женщин. У них нет орденов и медалей, они не любят рассказывать о войне – женщины, выстоявшие в войну, победившие войну, раненные в самое сердце.

И лишь только врач у постели скажет сыну: «У вашей мамы очень больное сердце!».

Александров Сергей Васильевич г. Клин

Иван Иванович

*«Броня крепка, и танки наши быстры...»
Из марша советских танкистов*

У кого как, а у меня одним из любимых уроков в школе были уроки труда...

Девчонки щебечущей стайкой упархивали в свой портняжно-кулинарный класс. Там на обычных ученических столах возвышались швейные машинки «Чайка», а рядом с учительским местом был целый ряд электроплиток. Когда на них готовилось что-нибудь, то, после уроков приходя в раздевалку (обычно «Труд» был последним уроком, зачастую – двойным), одноклассницы благоухали такими вкусностями, что все мы сразу же торопились по домам – пообедать или поужинать (смотря, в какую смену учились). Иногда от девчачьих щедрот нам перепало что-нибудь из их кулинарных шедевров – ароматный хворост, половинка песочного или бисквитного пирожного, пирожки с различными начинками, блины или сырники.

Когда же девчонки что-то кроили и шили, то нам тогда было уж совсем неинтересно смотреть, как после уроков они хвастали друг перед дружкой какими-то замысловатыми выкройками, необычной вязаной шапочкой, сплетенным пояском или кружевами. Всё это в нашем представлении было чем-то скучным, ненужным, неинтересным и бесполезным по сравнению с теми поварскими изысками, которые мы ещё совсем недавно пробовали...

Мы же после уроков труда зачастую пахли смолянистыми сосновыми стружками или сладковатыми берёзовыми опилками. А если приходили домой чумазыми, то всем сразу было ясно – работали с металлом. И пахли соответственно – машинным маслом и разогретым железом.

«Работать с металлом» – это так говорил наш трудовик, Иван Иванович. Например, объявляет он тему урока:

– Сегодня будем работать с металлом – делать мебельную петлю. Все видели мебельную петлю – вот она. – И он, как какой-то найденный вдруг золотой самородок, с гордостью поднимал эту петлю над собой. – Да не толпитесь – по ходу занятия каждый подойдёт и посмотрит. Вот её чертёж на доске. Всем видно? Объясняю... Абдулин, что ты это ручку тисков всё крутишь? Себе лучше что-нибудь покрути...

– Ничего я и не кручу. Она сама, я только рукой потрогал.

– Трогать будешь не здесь и не это. Здесь работать надо – руками и головой... Итак, порядок выполнения операций следующий... Такашов, я и тебе объясняю тоже, твоему лицу, а не затылку – на затылке лица нет. Глаз тем более...

– А что Такашов всё время? Слушаю я... На секунду и отвернуться нельзя!

– Вот и слушай. И смотри... Раскрой петли выполняется следующим образом: берем... Скоробогатов и Шухтуев, вы уже, вижу, поняли и без меня, как делать петлю? Может, выйдете и расскажете всем, а мы послушаем, а?

– Иван Иванович, извините. Мы не разговаривали, мы просто спросить хотели – а что это за железка такая?

– Эта железка называется «кернер», и она сегодня нам нужна – для чего? Отвечаю – для того, чтобы наметить места, где будут отверстия в петлях для крепления. А так же для облегчения начала сверления отверстия – сверло точно попадает в лунку от керна и... Юдин,

ты зачем верстак накерниваешь? Ты лучше молотком по голове своей постучи – может, мозги приведёшь в порядок...

– Я не виноват, молоток сам случайно ударил по этому кернеру...

– И что удивительно – аж пять раз подряд... Случайно я сейчас тебе двойку поставлю и с урока выгоню...

Самым замечательным было то, что к концу второго урока у каждого из нас каким-то почти волшебным образом делалась эта самая петля. Которая хоть у многих и была косовато-кривоватая, с не по чертежу просверлёнными отверстиями, но – вполне себе рабочая. Раскрывала и закрывала свои, отшлифованные наждачкой, со снятыми напильником заусенцами, половинки будто какая-то невиданная стальная бабочка.

Иван Иванович ходил между верстаков, осматривал полученные изделия, делал какие-то замечания, а потом обязательно хвалил:

– Вот, видишь, как здорово у тебя получилось! Прямо хоть сейчас в магазин на продажу. Сразу видно – старался... А я уж думал, что руки у тебя из другого места растут – ан нет! Вон что смастерили – не стыдно и отцу показать, а? Пятёрка!.. То, что туго раскрывается – это хорошо! Значит, дверка, куда эта вот самая петля приделается, сама собой не откроется. Во как понимать надо!..

Троек, а тем более – двоек – трудовик никогда никому не ставил, хоть и страшал, бывало, этими отметками. Максимум, что он делал, если видел, что кто-то не справился с заданием – просил (не обязывал и не заставлял) прийти после всех уроков и вместе с ним попробовать сделать ещё раз.

Всегда приходило несколько человек – даже те, кто сделал задание. Просто нам было интересно сделать ещё что-нибудь – своими руками. И на таких вот внеклассных занятиях уже не было того ворчливо-недовольного учителя труда – вместе с Иваном Ивановичем мы увлеченно учились всё, что можно, делать своими руками. Фрезеровать, сверлить, работать на маленьких учебных токарных – по дереву и по металлу – станках, кроить на циркулярке фанеру или доски, работать ножовкой, рубанком и стамесками. Тогда же приклепывали к девчачьим кастрюлям и ковшам из поварского кабинета отвалившиеся ручки, точили деревянные рукоятки для сковородок и половников, вырезали разделочные доски – и на них же выжигали различные узоры. Или просто готовили вместе с ним к следующему уроку для младшеклассников металлические уголки, с помощью которых ученики на уроках собирали незамысловатые скамеечки и полочки...

Иван Иванович приходил в школу всегда в одном и том же темно-сером стареньком, но опрятном, с аккуратными кожаными заплатками на локтях, пиджачке. Брюки на учителе могли быть разного фасона и цвета, зимой он вообще носил стёганные ватные штаны темно-синего цвета и черный драповый бушлатик с почти что протёртым до кожи цигейковым воротничком, когда-то давным-давно сделанным из старой армейской шапки-ушанки. Но пиджачок его всегда был один – то т самый, тёмно серый... В маленькой комнатке, как бы тамбуром разделявшей столярный и слесарный классы, он вешал пиджак на плечики в нише около двери, сняв предварительно с них синий рабочий халат, и задёргивал занавеску.

Все учащиеся, заходившие в эту комнатушку, видели в ней небольшой стол с поцарапанной и прожженной столешницей, две табуреточки и шкаф со стеклянной дверью. В шкафу на разных полочках, крючках или просто штырьках лежали или висели самые различные инструменты: стамески, напильники и надфили, отвёртки, кусачки и плоскогубцы, линейки, штангенциркули и кронциркули, токарные резцы, диски для циркулярной пилы, наждачные круги и пачки наждачной бумаги... В деревянных коробочках хранились сверла, зенкера, фрезы, метчики и плашки. На отдельной боковой полочке лежал вольтметр с двумя щупами, индикаторная лампа в патроне, стопка черной хэбэшной изолянт. В самом низу стояли два

ящика: один с рожковыми, разводными и газовыми ключами, молотками и ножовками, другой – с рубанками, шерхебелями и двумя топориками.

Шкаф запирался на маленький хлипкий замочек, открыть который гвоздём или проволокой никому из нас не составило бы большого труда. Но мы очень гордились тем доверием трудовика, которое он нам оказывал, зачастую во время урока прося кого-то из нас принести из этого шкафа тот или иной инструмент, и протягивая избранному ключ от этого замочка. И никто никогда самовольно не лазил в эту заманчиво-богатую мужскую сокровищницу....

Я тогда учился уже в 10 классе.

В 9 классе уроки труда в школах города заменили на учёбу в УПТК – учебных производственно-трудовых комбинатах. Под этим громким названием скрывались такие же обычные классы – только уже не в школах, а в Домах Культуры, Дворце Пионеров, в учебных классах и в цехах профильных предприятий и организаций – на швейной фабрике и на фаянсовой, на заводе геофизического оборудования, в автопарке... Была в стране тогда такая установка – вместе со средним, десятиклассным образованием дать выпускнику какую-либо профессию, которая могла бы пригодиться ему в будущей жизни... Как не крути – полезная и нужная была эта установка.

Поэтому вместо шестидневной учебной недели у нас была пятидневная – одним из дней и была как раз учёба в этих самых УПТК. Да ещё в другой какой-либо день после уроков мы так же ходили в эти «комбинаты».

Кто-то учился на автослесаря, кто-то – на слесаря-токаря-фрезеровщика, кто-то – на швею или изготовителя посуды. Кто-то – на продавца промышленных и продовольственных товаров – и такая специальность в нашем городском УПТК была. И потому свободного времени стало у нас совсем мало. К тому же никуда не делись различные школьные обязанности и общественная работа по комсомольской линии. И, конечно же, прибавилась ко всему этому подготовка к будущим экзаменам.

В УПТК в конце 10-го класса тоже сдавались экзамены – и теория, и практика. Но эти экзамены проходили месяцем раньше, чем школьные – перед майскими праздниками, в течение последней апрельской недели.

Эту вот неделю в школу мы практически не ходили – сдавали аттестацию в УПТК на выбранные профессии. И придя в такой последний апрельский день в школу на «Классный час», я узнал, что в это «комбинатовское» отсутствие произошло очень интересное и необычное событие. Почти что как в кино!

Всё началось с того, что перед самыми майскими праздниками директор школы привёз свои очередных два чемодана с документальными и учебными кинолентами. В их числе была одна короткометражка о Великой Отечественной войне. Надо сказать, что такое пополнение школьной фильмотеки делалось им практически каждый год – он на несколько дней уезжал в Москву, где в «Госфильмофонде» у него работал его старый друг-одноклассник. И этот друг оставлял ему, как говорили тогда, по благу, копии различных документальных и учебных лент, специально выпускаемых для школ. До нашего южноуральского «далёка» эти фильмы практически не доходили – их почему-то никогда не хватало на все школы. Потому-то наш директор своими путями и доставал их. И в течение следующего учебного года эти фильмы неоднократно просматривались на различных уроках согласно их тематике...

Немного отступлю и скажу об этом отдельно несколько строк. В нашей школе было два кинокласса: один киноаппарат стоял в кабинете физики, а другой – рядом, в кабинете иностранных языков. Сейчас, конечно, этим никого не удивишь в современных школах с их интерактивными классами, видеопроекторами, ноутбуками за каждой партой, мультимедийными центрами и домашними кинотеатрами...

Тогда же за право заправить плёнку в кинопроектор, не говоря уже о том, чтобы показать на уроке пяти или десятиминутный фильм, шла нешуточная борьба, неписанные правила

которой знал каждый старшеклассник. Были они просты: хорошее поведение и учёба, ну и пара пятёрок за неделю по тому предмету, на уроке которого будет демонстрироваться очередной фильм. Перечень фильмов вместе с расписанием уроков заранее вывешивался в вестибюле школы.

Так вот, просматривая заранее вечером вместе с учителями привезённые фильмы, директор школы пригласил на этот своеобразный «кинофестиваль» и трудовика Ивана Ивановича. Хотя фильмов по тому, как, например, правильно сделать скворечник или раскроить лист металла, в программе не значилось, наш учитель труда был фронтовиком, и директор пригласил его специально посмотреть единственный привезённый из Москвы для уроков истории короткометражный документальный фильм о войне. Называлась эта коротенькая, всего-навсего пятиминутная, лента очень длинно: «Освобождение Красной армией столицы Советской Украины Киева от немецко-фашистских захватчиков»...

Вот тогда наш Иван Иванович и свиделся вновь – через тридцать четыре с половиной года – со своим старым боевым другом, с танком Т-34.

Он узнал его сразу же – по чуть облупившемуся и закопчённому номеру на борту – в пятнадцатисекундном эпизоде этого фильма, который отснял в ту далёкую осень 1943 года один из неизвестных военных кинооператоров...

Танк мчался вместе с другими боевыми грозными машинами по пригороду Киева, по обгорелым остовам деревьев, сквозь порушенные хаты, тараня брошенную и покорёженную немецкую технику. Снятые кадры были стремительно-смазанными, дрожали и дергались – оператор, вероятно, сидел на броне другой боевой машины, вместе с танковым десантом. Потом – уже с земли велась съёмка – все увидели, как танк в неумолимом праведном гневе, на мгновение вздыбившись, наехал с разгона на бревенчатый настил пулеметного гнезда, и, лихо, не сбавляя скорость, весь в клубах дыма и пыли, свернул на одну из улиц города... И всё. Дальше были показаны залпы «Катюш», смонтированные различные другие кадры боёв за Киев. А потом – колонна наших солдат идёт по освобождённому городу...

Этот фильм тем вечером прокручивали раз десять, наверно. Иван Иванович смотрел его стоя, держась одной рукой за спинку стула... Когда вновь пошли кадры с танком, директор выключал голос диктора на фоне грохочущего боя, и в тишине затемнённого класса раздавался слегка скрипучий, и непривычно дрожащий, голос трудовика: «... вот, вот – здесь я пулемётное гнездо раздавил..., а там сзади, за мной, моего дружка, на другом танке, Кольку подбили – это не сняли, а он потом в госпитале помёр..., вон там, за дымом не видно, фрицевская пушка стояла, она нас и достала, прямо в упор била..., меня командир вытащил контуженного и окровавленного, а Петр и Рустам там, в танке и остались, убитыми... а командир мой Вартан погиб в этот же день, уж после того, как меня санитарам сдал – его осколком мины прямо в грудь, она рядом с медсанбатом рванула...»

На следующий день Иван Иванович, бывший механик-водитель «тридцатьчетвёрки», принёс мутноватую пожелтевшую фотокарточку с разлохмаченными и оборванными уголками. Эту фотографию потом увеличили и повесили рядом со школьной «Доской почёта». На ней стоял двадцатилетний белобрысый паренёк в слегка помятой гимнастёрке с танкистским шлёмом в руке. А сзади него высился танк – с точно таким же белым новеньким номером на помятой, в зазубринах и заплатках, башне, как и в том пятнадцатисекундном отрывке. На обратной стороне фотографии была надпись «Мой боевой друг. 17 сентября 1943 год».

Тот короткий взволнованный комментарий к ещё более коротким кадрам директор тогда записал на магнитофон. И в последующие года, каждый раз перед празднованием 9 мая, показывая эту короткометражку школьникам, в эпизоде с танком включал голос бывшего танкиста...

Иван Иванович Гунько, сержант, механик-водитель танка Т-34, комиссованный по ранению в январе 1944 года, трудовик нашей школы, умер за неделю до празднования 40-й годовщины Победы...

У меня же на память осталась фотокарточка этого скромного обычного человека, нашего любимого трудовика, которого я сфотографировал на свой фотоаппарат «Смена 8М» девятого мая 1978 года...

Дядя Володя

Дядя Володя 1 января 2020-го пережил свой 82-й год.

Ещё дядя Володя до сих пор, в любое время года и при любой погоде, спит с приоткрытым окном.

Потому что жарким и пыльным начала июля 1941 года в украинском селе Монастырище, что раскинулось широкой лентой вдоль старого разбитого Ичнянского шляху – из Прилук в Ичню, он двухсполовинолетним карапузом попал под бомбёжку немецких самолётов – и его засыпало. Это мне как-то моя мама – дядина старшая сестра – рассказала...

«Наше село Монастырище тогда большое было. Старая церковь Рождества Богородицы, с двадцатых годов – по рассказам родителей – давно уж закрытая, наверное, до сих пор стоит под облупленным куполом. Рядом с нею был такой же старый и крепкий, с огромным глубоким подвалом, дом. Сам подвал, с мощными каменными сводами, холодный – даже в самые жаркие дни, и мрачный. Сельские туда бегали до войны «нечистого» слушать – там эхо было своеобразным. А в паре километрах от церкви на пригорке – Кабаниха. Усадьба бывших хозяев края и самого села. Там – бывший помещичий дом, к нему ведёт аллея из роскошных, головокруго пахнущих, акаций. Медвяный запах лёгкий ветерок разносит по всей округе, и на него сбегаются стайки босоногих ребятишек. Сочные крупные, спелые соцветия так и просятся в рот! Эта сладость на языке, с небольшим травяным привкусом, заманчивее и доступнее конфет, которые изредка привозят родители из Ични...

Мама моя – учительница начальных классов в селе. Папа – тоже учительствовал, но его в 38 году призвали в армию. А потом – война с белофиннами. Он был радистом и стрелком на транспортных самолётах и на дальних бомбардировщиках – это они Германию ещё в июле-августе 41-м бомбили. Но это уже потом – в большую войну...

Пока же, до войны – было всё мирно и весело. На мелком прогретом песке у речки Удай ребята и девчонки сельские загорают, играют. К полудню вода прогревается – можно и поплескаться, там, где мелко. Где между ног шныряют малышки пескариков – и их тени сквозь прозрачную воду тёмными чёрточками пятнают песчаное дно.

Мамка меня одного на Удай не пускала – мало ли что. Хотя рядом – соседские девчата и хлопчики. Потому бездетная приживалка в нашей семье, тётка Маруся – мамина двоюродная сестра, всегда нас сопровождала. Нас – это мою старшую четырёхлетнюю сестрёнку Люсю и меня самого. И младшенького, ещё грудного, братишку нашего Мишку – тоже с собой таскала...

У родителей в селе был собственный дом. Длинный, белёный белой известью.

Дом был давно, ещё до того, как они туда заселились, уж был разделён на две части.

В одной половине – жили мы с родителями. Угол у печи занимала тётя Маруся. Жила на полном иждивении в доме, помогала по хозяйству, с коровой возилась, и с поросятами и курами, да за нами приглядывала.

В другой половине дед с бабкой обитали. Деда за года полтора до войны из тюрьмы выпустили. Папка за него хлопотал. Письмо написал. Самому Ворошилову. Дед с ним ещё с «Арсенала», что в Киеве, дружил. На заводе том дед работал плотником-краснодеревщиком, а Клим – слесарил. Потом в Гражданскую вместе воевали с беляками. У деда после гражданской большой желудок после ранения в живот – ему операцию делали и отрезали больше половины. Мне уже потом, после войны, отец рассказывал, что кто-то на него донос накатыл – позавидовал чему-то. Наверное, тому, что дед пенсию за своё ранение от государства получал – и нигде, потому, в свои ещё нестарые года, не работал. Всего же дед был в заключении около четырёх месяцев...

А напротив нашего дома – через дорогу – здоровенный, двухэтажный, сложенный из кирпича, учительский дом. Там те из учителей, у кого не было собственной хаты, жили. Жили вольготно. У многих было даже по две комнаты – это у семейных.

Там же, на втором этаже, жил и тогдашний директор школы – Семён Денисович Домошник. Он зачастую по вечерам заглядывал к нам. Вместе с родителями читали районную и столичную газеты. Дед с бабушкой обсуждали с ним последние новости, события, прошедшие в селе и в округе... Добрый был дядька. Нам всегда что-нибудь интересное или смешное расскажет... На войну Семён Денисович добровольцем пошёл. Отец говорил – куже после войны – разведчиком директор был...

Рядом с этим домом – хата слепого мальчика-скрипача. Семья, что там жила, послала своего сына в Киевскую консерваторию учиться. Сын этот на скрипке выучился играть. А потом, там, в Киеве, заболел чем-то – и ослеп. Родители привезли его домой. И он вечерами играл для сельчан. Очень хорошо играл... Его убили – и всю его семью – через несколько дней после того, как в село наше немцы зашли с венграми...

В помещичьей усадьбе, что неподалеку от Монастырища – в старой помещичьей усадьбе Кабанихе – в начале 30-х ненадолго устроили детскую трудовую коммуну. Батя мой вначале там и учительствовал... По мамкиным рассказам – натерпелся он на первых месяцах от тамошней шпаны, собранной с разных уголков Нежинского уезда – и с Ични, и с Яхновки, и из самого Нежина даже. Много детей без папок-мамок после гражданской осталось. Кто просто сиротствовал в пустом доме, живя на подаяния сельчан, кто подался в города и крупные сёла милостыню просить, кто на станции воровать да разбойничать помаленьку начал... (*сейчас – Веприки. Прим. автора*)

Потом попривыкли друг к дружке. Даже подружились. Когда отец в армии уже был, к нам в дом многие бывшие воспитанники заходили – расспрашивали об отце, иногда гостинец какой приносили...

За год с небольшим до начала войны эту школу-колонию расформировали. Кто вырос – пошёл работать в город, кто – на селе остался. Остальных по другим колониям распахали. А помещичий дом заколотили...»

Дяде Володе некогда скучать – только лишь наступят тёплые денёчки и сойдёт снег, он целыми днями пропадает у себя на дачном участке. Подготавливает теплицы, выгоняет рассаду помидоров, перца и огурцов в ящиках. Ещё занимается пчёлами – вытаскивает ульи из подпола, где они зимовали, делает подкормку...

Жалуеться, что воды весной слишком много – подтапливает его участок, хоть он и выше соседних, которые иногда аж до июня почти все стоят под небольшим слоем воды. Раньше, рассказывает он, вдоль участков была вырыта глубокая и широкая дренажная канава. Сами дачники-садоводы каждую весну чистили канавы, углубляли – вода и уходила. И было сухо. Сейчас же многие новые владельцы участков скидывают в неё мусор, заливают наглухо бетоном – для удобного въезда машин на участки. Канава заросла, обмелела – вот вода и остаётся, некуда ей уходить...

«Первые дни и недели войны в моей памяти слились в один – где только грохот, рёв, свист. Бомбили часто. После первых бомбёжек все на селе поняли – лучше всего от взрывов прятаться в том самом огромном подвале большого дома. И при звуках приближающихся самолётов сельчане как угорелые бежали туда.

Вокруг уже всё ухаёт, где-то клубы дыма, какие-то хаты горят. А нас подхватят мамка и тетка за руки, а Мишку мамка на руках несла – и все скопом бежим к этому подвалу. Ни о чём не думаем, только бежим. Уж потом, в подвале, многим сельчанам, наверное, думалось – могли бы и не добежать... Но – успевали. А ведь кто-то так и оставался лежать в пыли, кто-то – не успевал...

А потом в начале осени в село вошли чужие солдаты.

Село наполнилось треском мотоциклов, урчанием машин, ржанием многочисленных лошадей. Подвод немецких было чуть ли не столько же, сколько самих немцев.

Нашу семью оставили в доме, но оттеснили в дальнюю, без печки, холодную и тесную комнатушку. Там мы почти два года и ютились... Зимой в ней было промозгло, стыло и сыро от нашего дыхания. И свет, и тепло были только от свечки...

Вместе с немцами появились и мадьяры. Злыми и жадными они были – до ужаса!

Всё, что им попадало на глаза, мадьяры забирали. Грабили попросту. Увели и закололи корову и двух недомерков-поросят, выловили всех кур, попутно подавив почти все яйца. Весь дом перевероростили-перетряхнули, забирая малоношеную одежду и обувь. Все чугульки и металлическую посуду, даже вилки, ложки и ножи – всё сгребли подчистую. Посуду же, которую не брали себе – специально разбивали. Тщательно перетряхивали закутки в поисках разных украшений – даже обычными бусами из деревянных окрашенных бусинок не брезговали. Забрали резную этажерку, которую дед когда-то сам смастерил и подарил бабушке, и зеркало в красивой раме.

Рядом с зеркалом висел, вырезанный несколько лет назад из какого-то журнала, портретный рисунок, изображающий маленького Ленина – щекастое улыбочное личико, обрамлённое белыми кудряшками. Снять и спрятать то ли не успели, то ли забыли. Мама очень боялась, что, увидев его, немцы или мадьяры начнут свирепствовать. Могли и расстрелять... Но, увидя этот портрет, пришедшие «новые хозяева», потыкав в него пальцами, чему-то громко рассмеялись, непонятно при этом переговариваясь между собою... И портрет этот не тронули. Так он и провисел там – чудом – до самого конца войны...

Как мы проживали всё это время оккупации – не помню совсем. Какие-то обрывки в детской памяти задержались. Остальное – стёрлось напрочь. Будто и не было вовсе всего того страшного тяжкого времени...

Наверное, любая детская память такая. Всё, что плохо и страшно, она прячет так глубоко, что и во взрослом возрасте не вытащишь из головы эти воспоминания. А, может, это такое свойство – не помнить всё то нехорошее, что произошло в детстве, как бы стереть всё это, оставив малозначащие, разрозненные обрывки...

Вот помню – ещё только начало лета было, уже года два с начала войны прошло: мы с мамкой и тёткой идём по той самой аллее, обсаженной акациями, что к кирпичному дому с подвалом, где ещё в 41-ом от налётов прятались, ведёт... Там потом немцы сделали сборный пункт для отправки в Германию. Наши уже наступали всюду после Сталинграда, и фрицы торопились всё и всех вывезти – чтоб ничего нашим не осталось. Даже перед уходом многие дома пожгли...

Вот мы идём, а по бокам пара немцев нас сопровождает. О чём-то разговаривают друг с дружкой. Мы чуток поотстали. Вижу, мамка передаёт на руки тете Марусе маленького Мишку, а меня берёт к себе на руки.

А слева от аллеи, за неширокой канавой, раскинулось густые заросли конопли вперемешку с белёсой лебедой. Росла конопля там беспризорно с начала войны. Она в этот год высокая уродилась – выше макушки взрослого человека. Хотя не ухаживал никто, не смотрел за ней. Самосейка...

Потом я заметил, что мама переглянулась с тёткой и – сквозь кусты акации, перемахнув через канаву – прямо в гущу этой конопли сразу кинулись. Сестрёнка побежала за ними, да споткнулась и осталась на дорожке лежать. Немцы опомнились, когда мамка со мной и тетка Маруся с Мишкой уже в конопле скрылись. Постреляли из винтовок немцы в коноплю. Потом развернулись – и пошли обратно в село, оставив сестрёнку одну на аллее – не нужна она им, шестилетняя кроха, в Германии...

А у тёти Маруси в зарослях конопли ноги в лебеде заплелись, она и упала. Мамка подумала, что её убили. Ведь она упала так, что Мишка под ней оказался. Чуть не задохнулся.

Мамка нашла их, взяла Мишку – и мы вчетвером до ночи сидели тихо в этой конопле. Мамка за сестрёнку вся испереживалась...

Под утро сходила потихоньку в село, нашла мою сестрёнку Люсю – и снова в коноплю. Только через сутки, пересидев немецкую акцию по угону в Германию, мама с тётей взяли нас – и мы все ушли на болото – в места, где река Удай разделяется на несколько протоков, а между ними – болотистые островки, густо заросшие камышом и низкой растопорщившейся вербой. Там даже были и гиблые топи, и немцы с полицией не решались туда соваться. В тех болотистых зарослях хоронилось, пряталось от немцем почти всё село. Там и мы прятались. В каких-то шалашах под деревьями перетерпели около трёх месяцев, чуть от голода и страху не умерли. Корень рогоза жевали от голодухи постоянно. Многие, кто без семьи оказались, к партизанам ушли – партизаны и подпольщики ещё с лета 41-го года в Ичне и в Монастырище действовали, и в лесу, что меж ними. Потом, в 42-м году, почти всех подпольщиков немцы поймали и замучили. Партизаны тогда в лесах и на болоте сховались... К осени начали немногие выжившие на болотах возвращаться в село. Но часть жителей села на болотах до середины сентября – до прихода Красной армии – так и жила...

Хочу вот что ещё сказать – местные сельские знали нашу семью – кто мой отец, кто моя мама, и дед кто. И то, что они все в партии состояли. И то, что трёх девочек-евреек, которые отстали от беженцев, бабушка переписала в классный журнал как местных украинских девчонок – своих учениц, и волосы им обесцветила. Они потом, в начале лета 42 года, в лес к партизанам подались... И никто не выдал, ничего не сказал, не донёс немцам...

Сестру отца – тётю Лену (она в конце января 24-го года родилась, и её называли Лениной) – немцы всё же вывезли в Германию. Она в Ичне жила. Её в самом начале, как только немцы появились, забрали, в вагон к другим таким же бедолагам запихнули – и увезли. И обратно она только в 46-м году вернулась. Как она уж потом рассказывала – работала в каком-то городке небольшом прачкой, где стиралась и латалась одежда для немецких солдат из трудового лагеря, который был неподалёку. А перед самым концом войны её и других работниц перевезли дальше на Запад – и они на какой-то станции целый месяц разбирали руины зданий, обрушенных после бомбёжек. А потом американцы их освободили – и она ещё около полугода в американском лагере бельё стирала – но уже для американских солдат... Потом только вернулась в Ичню. Говорила – её и не проверяли совсем – что прачку-то проверять. Руки сами все скажут – как на них посмотришь...

Вот и вся оккупация. Какую я её помню...

Встречаясь с дядей Володи 9 мая, неспешно идём с ним после прохода колонны «Бессмертного полка» по улицам города. Светит солнышко. Некоторые прохожие, идущие навстречу нам, здороваются с моим дядей. Он их узнаёт ещё издали, и тихо говорит мне: «Вон идёт тот-то или такой-то...». Года два назад ему сделали операцию по замене хрусталиков – и теперь его глаза так же зорко, как и в далёкой молодости, глядят на мир...

Шутит: «Ещё б сердце да суставы заменить – и можно вторую жизнь прожить запросто!»

Дядя Володя гордится своими детьми – их у него трое. Но ещё больше гордится своими внуками и внучками. И ждёт правнуков...

А вечером – вновь воспоминания.

«В Монастырище мы жили до середины 46-го года. Потом отец нас всех перевёз в город Клин, что в Подмосковье. Там ему дали небольшую квартирку. Жили сначала в обычном деревянном бараке. Отец, комиссованный с военной службы, работал начальником городского радиоузла. Как коммунисту, ему город дал партийное задание – радиофицировать близлежащие посёлки и деревни. Эта сеть в деревнях работает до сих пор... Маму же учительницей в школу не взяли, сказали, что у неё сильный украинский говор. И пришлось ей устроиться воспитательницей в детский сад. Как раз отцу тогда дали другое жильё, от комбината «Химволокно» – большущую двухкомнатную квартиру в посёлке Майданово. Напротив как раз и рас-

положился детсад. Я и моя сестра Люся к тому времени уже ходили в школу в том же поселке Майданово, я оканчивал 2-й класс, а Люся – 4-й...

В праздничные майские дни, как и многие люди в России, дядя Володя целыми сутками пропадает у себя на даче. Вот недавно уговорил своего соседа – и привёз на его машине несколько мешков торфа. После разгрузки пожаловался в разговоре по телефону, что давление прыгает, да и пульс как бешенный... На мои увещевания поберечься только машет рукой: «Пока работаю – живу...»

Как бы нехотя, стеснительно – пеняет на раннюю жару. Мол, стал её хуже переносить, давит она на него. А ведь сколько лет проработал в «горячем» – литейном – цеху Клинского комбината «Химволокно»!

Как-то при телефонном разговоре вспомнил о братьях своей мамы – моей бабушки – Ксении Алексеевны.

«Их у мамы было трое: старший Николай и двое младше её на 2—3 года – Леонид и Александр.

Когда началась война, Николай Алексеевич Маринчик на границе служил. В первые же дни и пропал без вести – то ли под бомбы попал. То ли ещё что. Не было тогда «свидетелей» – всех поубивало на том участке границы...

Леонид Алексеевич Маринчик лежит где-то в Синявинских болотах. Погиб в 42 году, защищая Ленинград.

Александр Алексеевич Маринчик похоронен в одном из сел в Сталинградской степи...

Мама до самого конца войны не знала об их судьбе. Только в 1946 году пришло извещение на Николая «Пропал без вести», а следом за этим – похорожки на Леонида и Александра – все помятые, замусоленные – видно, пересылались по разным адресам много раз.

Двоюродный брат мамы – Гузовский Яков Михайлович – вернулся живым. Вся грудь в орденах и медалях... Окончил войну на Дальнем Востоке. Три раза горел в танке. Довоевал до полковника... После войны осел в Воронеже. В конце 90х годов умер...

* * *

* * *

* * *

* * *

Дед

На ветке яблони, что уткнулась прямо в окно веранды, прыгают беззаботные воробьи. Веранду, заползая в приоткрытую дверь, неспеша наполняют запахи солнечного летнего утра.

Я в одних трусиках, буквально минуту назад выбравшись из жаркой постели, стою босиком на ещё приятно-прохладном деревянном полу веранды и смотрю, как дедушка в смешной светло-кремовой шляпе с сеткой что-то делает возле одного из ульев. Из носика дымара, стоящего на земле рядом с ним, вьётся тоненькой верёвочкой белый дымок...

– Деда, а что ты там делал, у ульев? – минут через пять, когда дедушка, уже без шляпы, в одной белой рубашке и желтоватых парусиновых брюках, вошел на веранду с тарелкой, накрытой сверху тряпицей. От него слегка приятно потягивает горьковатым дымком, и густым – упоительно жгуче – головокружительным – липовым цветом.

– Вот, от пчёлок гостинца тебе к завтраку принёс. Пчёлки мне так и наказали: передай, мол, внучку, наш подарочек – чтоб сильным рос и трудолюбивым, как и мы...

– Так уж и сказали? – я понимаю, что дед шутит. Но так хочется верить, что он с пчёлами разговаривает! – А ещё что они говорили тебе?

– А ещё говорили, чтоб одевался ты побыстрее, да и шёл умыться. А то вон солнышко уж давно встало, да и мы спозаранку трудимся, а внук твой только проснулся. Лентяй, наверно...

Я кричу: «Нет, не лентяй!» – и бегом к рукомойнику, что у стенки над раковиной, тут же на веранде. Потом быстро натягиваю лёгкую рубашечку и шорты. И выбегаю наружу.

Рядом с садовым домом небольшой столик и лавка, где умещаются только двое. На одном краю лавки – чурбачок. Чтобы я сидя мог достать до стола. На столе – большая чашка с чаем из смородинового листа, нарезанная большими ломтями краюха белого хлеба и та самая тарелочка, что дед принёс от ульев. Над ней уже кружат несколько пчёл.

– Смотри, видишь – прилетели проверить, всё ли ты съешь? – и дедушка снимает тряпочку с тарелки. А на ней – два толстых пласта вырезанных сот, источающих прозрачно-желтыми слёзками мёд...

Мне тогда было лет пять, наверно, может и меньше. Родители оставляли меня на пару месяцев у дедушки с бабушкой. Дед катал меня на старом зелёном мотоцикле – в коляске, накрыв колени жестким прорезиненным фартуком. За дедом, ухватившись за ручку заднего сиденья, восседала, как королева, бабушка. Её волосы от встречного ветра развевались вокруг головы – будто волшебная корона. Заднее сиденье было выше переднего – потому мне тогда казалось, что бабушка выше дедушки. И, может даже, главнее его. Но дедушка – любимее.

На мотоцикле ездили с квартиры в Майданово до садовых участков. Раз в неделю с дедом уезжали на рыбалку на Московское море – без бабушки. И тогда дед разрешал мне посидеть на заднем сиденье, а не в коляске – когда уже подъезжали по песчаной дороге, что петляла между сосен, к самому Московскому морю. Заранее предупреждая, чтоб об этом бабушке – ни гу-гу. Я щекой прижимался к дедовой спине, обхватывал крепко его руками, игнорируя прорезиненную подкову ручки перед сиденьем. И мотоцикл, перекачивая всю дрожь своего мощного моторного сердца через дедову спину в меня, мчал нас, задорно подскакивая коляской на выступающих из песка сосновых корнях, к самой воде...

В майдановском парке, с большим прудом, со старым зданием клуба над обрывом реки Сестры, я с особым увлечением повадился в том далёком детстве собирать грибы – их в то время было там великое множество. От сыроежек и валуёв до крепеньких семеек белых где-нибудь под еловой лапой, или россыпи опят на старом пенёке, который спрятался в высокой, ещё не скошенной, траве. С утра шёл с маленьким туеском в парк, и к обеду бабушка вместе с картошкой уже жарила мою восхитительно духмяную парковую добычу. Парк был для меня,

пяти-шестилетнего, огромной загадочной страной, всегда с новыми, неизведанными и таинственными местами. Отец, как-то гуляя со мной по парку, показал сосны, которые он со своими друзьями высаживал в этом парке ещё до войны. Задрав голову, и глядя на этих многометровых великанов с кронами где-то там, у самой макушки неба, я тогда не верил, что когда-то эти деревья были такими крошечными, что их можно было легко сажать...

В саду же, когда поспевала малина, я целыми днями пасся в её призрачно-зелёных зарослях вдоль забора. Малины было столько много, что ни я, ни бабушка не успевали собирать её – я в рот, а бабушка в бидон. Тяжелые красные ягоды падали под кусты, лежали на прошлогодних сухих листьях, и по ним ползали здоровенные зелёные малинные клопы. Почти одновременно приходил черед белому наливу и смородине, потом – сливе и вишне. Спели огурцы, чуть позже – груша, а после них – в теплицах, пахучие помидоры. За день я так наедался «подножным кормом», как говорила бабушка, попутно заедая его незаметно (как я тогда думал) утащенным с кухни куском булки или сухарём, что забывал или пропускал обед, а вечером лениво съедал бутерброд с вареньем или испечённый бабушкой творожник, запивая его чаем...

Где-то за неделю до приезда родителей дед начинал выгонять мёд. Пчёлы, возмущенные нахальным грабежом, непрерывно и ругательно гудели – и летали повсюду, забирались под майку, шорты, путались в волосах. Жалили. Я бегал по всему саду, отмахиваясь от них руками, ойкая, а потом и ревя от укусов. Дед же, не обращая на пчёл никакого внимания, неспеша крутил тяжелую ручку медогонки – и густая струя янтарно-золотистого богатства лениво стекала в подставляемые бабушкой пузатые трёхлитровые банки.

Уезжать от всей этой великолепной жизни я категорически не хотел. Рыдал, капризничал, кричал, что хочу жить с дедушкой и бабушкой всегда. А папа с мамой пусть изредка, не часто, приезжают навещать нас. Родители, посмеиваясь, легко соглашались на эти условия, я успокаивался, ехал на вокзал провожать их – и оказывался вдруг вместе с ними в вагоне поезда, который уже везет меня обратно, домой, в наступающую неспешно уральскую осень, и в уже совсем недалёкую, выюжную и сугробную, зиму...

По заверению мамы, я был любимым внуком дедушки. Самым его первым внуком – и, наверное, потому и самым любимым. В отличие от строгой, не любящей баловства и проказ, бабушки, дед позволял мне практически всё.

Как-то увидев, как он отделяет внутреннюю стену комнаты в садовом домике тонкими лакированными бежевыми пластинами тиснёного картона, крепя его маленькими гвоздиками к специальным рейкам, я попросился помочь ему в этом деле. Дед вручил мне небольшой молоточек, жестянку с гвоздиками и указал на участок стены рядом с собой. Через час, с отбитыми молотком и исколотыми гвоздями пальцами, с размазанными по грязным щекам дорожками слёз от боли, я показал деду свои «художества»...

Этот кусок стены – с прибитыми вкривь и вкось картонными пластинами, с погнутыми гвоздиками и дырками от них, с пятками вмятин от молотка – дед не стал переделывать. Посадив меня к себе на колени, он погладил мою головёнку своими, всё умеющими, ладонями, и сказал:

– Внук! Пусть всё, что ты будешь делать в будущем, будет выполнено с таким же усердием и упорством, каким ты работал сейчас, но – лучше. Чтобы потом было и тебе, и другим с чем сравнивать.

Эти слова прозвучали тогда не только, как похвала, а как самый дорогой завет на всё моё будущее. И этот мой первый «трудовой опыт», даже после смерти дедушки, хранился ещё очень долго – лет тридцать пять. Пока не сгорел в пожаре вместе с садовым домом в 90-х. Через почти двадцать лет после смерти дедушки...

Без деда сад стал уже каким-то не тем. Вроде бы и малина оставалась такой же сладкой, и пчёлы продолжали «делиться» мёдом – самым садом занимался уже дядя Володя, младший брат мамы.

Но зелёный мотоцикл забыто, почему-то уже без колёс – врал в землю в крапиве и бурьяне за домом – его место в сарайчике-гараже давно уже занял «Москвич-407». И он же возил нас на Московское море.

А в парке с каждым годом почему-то становилось всё меньше грибов...

А потом детство закончилось...

Намного позже, уже в конце лета 2019 год, рассказал о моём деде – и своём отце – дядя Володя. Ругая себя за то, что многое уже и не вспоминается из рассказов его отца, как не желай всего этого сейчас вспомнить, он больше часа – с долгими паузами на копание в памяти, с повторами и с возвращением к нынешнему времени – говорил и говорил...

Вот его рассказ.

«Отец мой, Александров Николай Алексеевич, воевал в авиации. С первых дней войны он летал на дальних бомбардировщиках и транспортных самолётах ДБ-3 радистом-стрелком или иногда просто радистом. Рассказывал он мне, как ещё в начале войны они, эти самолёты, летали бомбить немецкие города. Из 16—20 самолётов обратно возвращалось всего 4—5. Остальных сбивали или зенитки, или немецкие истребители. Многие не дотягивали до линии фронта...

Тяжело этим лётчикам тогда было и очень страшно: летать вот так, зная, что вернуться назад – это намного бльшая удача, чем просто долететь до цели и отбомбиться. Но ведь – летали. Несмотря на этот страх, на эту огромную вероятность не вернуться. Как-то даже посетовал на то, что истребители не сопровождали их на такие дальние рейды – и они летали «голяком», как говорил батя. Но желание победить, нанести как можно больший урон врагу, отомстить за погибших товарищей, за истерзанную и поруганную родную землю пересиливало у лётчиков этот страх... о

Отцу как-то везло. Всю первую половину войны.

«И потом тоже везло...», – это так смеялся отец, рассказав как-то о большущем рубце на животе – конечно, если можно назвать везением тяжелое ранение в живот осколком зенитного снаряда при одном из вылетов в середине августа 43-го. Батя вспоминал, что самолёт его командир посадил на последнем дыхании, в буквальном смысле слова – через пару минут после посадки так он умер в кабине – два осколка торчали из грудной клетки. А отец вывалился из люка весь в крови, с распоротым животом, из которого прямо под ноги выползли сизые петли его собственных кишок. Но – его успели довести до госпиталя, и отец остался жить...

Конечно, после лечения он уже не летал – служил обычным аэродромным радистом, обеспечивал лётчикам связь со штабом эскадрильи, провожал и встречал самолёты...

Батя мой, как и многие другие фронтовики, те, кто прошёл войну до конца, не любил вспоминать о том, как он воевал, через что прошёл. Потому и не осталось почти никаких его рассказов о войне, кроме нескольких скупых ответов на наши назойливые расспросы. Да вот этот рассказ о начале войны и о ранении – которые я и помню ещё...

Умер отец в 68 году. Ему не было тогда и пятидесяти пяти лет...»

Находка

Пошли мы как-то с другом за грибами —
Как раз опять вылезли на свет...
Но, видно, здесь ходили перед нами —
Одни обрезки, ну а шляпок нет.

Но мы – упрямы. Злость взяла к тому же,
И не угас в душе ещё кураж.
Мы продирались час, свалились в лужу —
И вдруг упёрлись в рухнувший блиндаж...

Опушка заросла давно калиной,
На бруствере – орешник и ольха.
И только комья серо-бурой глины
Под сапогами рушатся слегка.

Скат почернел, совсем прогнил местами;
И нары, мхом укрытые, видны;
И брёвна, обелённые ветрами,
Торчат, как будто зубья той войны...

А лужа та – не лужа, а воронка.
И вон ещё одна невдалеке...
А рядом лес – от птичьих трелей звонкий —
Берёзками спускается к реке...

И мы спустились. Омута колечки,
Чуть топкие, в осоке берега.

Мы выпили – за тех, кто лес и речку
Оборонял от лютого врага...

Возвращение

Приходит пора – вспоминаем родные деревни мы:
И крик петуха, и мычанье на зорьке коров.
Там в землю вращали корнями мы вместе
с деревьями —
Потом выдирались, оставив родимый свой кров...

Мы не замечали, что комья земли осыпаются —
И ветер уносит их с пылью чужих городов...
Приходит пора – в нас по дому тоска просыпается,
Где крик петуха, и мычанье на зорьке коров...

А дом обветшал. И уж нет ни отца и ни матери.
И в шрамах Душа. Да и сам ты совсем не здоров.
Сидишь на крыльце – как чужой богомолец
на паперти.
И нет петухов. И не слышно мычанья коров...

Татьяна Аржакова г. Москва

Новобранцев стрелковая рота

Там, где люди приветливы, речи просты,
Деревенька сопит под горою...
Старый дед у завалинки скинет костыль —
Незабвенную память героя.
Сколько их под Москвой – кто хромой, кто кривой,
Уцелевших в родимой сторонке!
Да, спасибо судьбе, – в этот год роковой
Получали одни похоронки.
Сорок первый прошит и насквозь, и всерьёз,
Перепаханы танками нивы,
Оттого и грустинка у русских берёз,
И плакучи, как матери ивы.
Вспомнит старый солдат, слеповато сморгнёт, —
Слёзы к празднику – милое дело, —
Как ложились на снег, как трещал пулемёт,
И безусая рота редела,
Как топились снега от горячих сердец,
Белых ангелов целые стаи!..
Мы сегодня помянем всех, слышишь, отец! —
Троекратно, сцепившись перстами.
Будет так же струиться малиновый звон,
Растворяться в российских широтах.
Вознесла тут кресты с материнских икон
Новобранцев стрелковая рота.

Медсестричка

Я помню смешные косички
и рыжую челку вразлет.
Родная моя медсестричка
опять умирать не даёт.
Задорно звучит Рио – Рита,
И шёпот братишка, держись!..
И пол медсанбата небритых
Уже ангажируют жизнь.

И нет уже взглядов потухших,
и раны уже не свербят,
Ликут мальчишечьи души,
Смешливые души ребят.
А рядом две тонких косички
И рыжая чёлка вразлет —
Родная моя медсестричка
Подолгу грустить не даёт.

Я помню заснеженный Одер,
Печальней не знаю реки,
Ее окровавленный орден,
запястие тонкой руки.
Смешные отбросив косички
и рыжую чёлку вразлет...
Родная моя медсестричка
Опять мне уснуть не даёт.

День Победы

Мне не надо ни хлеба, ни зрелищ,
Лишь бы Мир отдохнул от войны,
Пусть на месте землянок и стрельбищ
Салютуют соцветия весны!
Пусть вздохнут фронтовые дороги
От слепого надрыва свинца —
Пуля-дура, но лучше бы дрогнул
Каждый мускул в жестоких сердцах!
Сколько их безымянных курганов, —
Боль земли – неистертая дрожь...
Ветеранам – залечивать раны,
Только где то лекарство возьмешь?
Не обнять уж ни сына, ни мужа,
Дочерям сарафанов не шить.
Стонут раны в убийственной стуже
На просторах горячей души.
Не забыть – соскоблить, не отвергнуть —
Наша боль и саднит, и роднит!..
Под копьём извивается скверна,
Что Георгий впечатал в гранит!
День Победы – беды окончанье!
Слезы радости – их и несем,
Как на первое в жизни свиданье
В благодарном поклоне за все!

Юрий Бадтиев
г. Владикавказ, Республика Северная Осетия

Вдовий сон

Вдовам Великой Отечественной войны

Первое июля, сорок первый год...
Маленький сынуля спать нам не даёт...
Старшим снятся грёзы, чуть открыты рты,
Тихо мои слёзы осушаешь ты...

Ты сказал три слова: «Жди меня – вернись»!
Снова я и снова с той поры молюсь.
Где же ты споткнулся, где же ты упал?
Ты в словах вернулся: «Без вести пропал».

Три проклятых слова, как я их боюсь!
Снова я и снова с той поры молюсь.
Годы забелили голову мою,
Душу иссушили, плачу – не пою...

Выдержала муки, вынесла напасть,
Сыновья и внуки не дают упасть...
Бросишь ты с портрета взгляд свой озорной, —
Я теплом согрета, милый мой, родной!

И тогда, как прежде, снова я молюсь,
Снова я в надежде, что тебя дождусь...
И на сон грядущий, и когда проснусь,
Вижу взгляд зовущий: «Жди меня – вернись»!

Дело под Москвой (слова песни)

Было в сорок первом дело под Москвой.
Лопались деревья лютою зимой.
От мороза злого все спасенья ждут,
Фрицы за рекою, а Иваны тут...

Эх! Сибирский мороз, *Припев:*
Вышел позабавиться,
Отморозил Фрицу нос,
А Иван куражится!

Тут приходит Жуков, смелый генерал,
– Что сидите сиднем? – весело сказал, —
Кровушку по жилам надо разогнать,
С Фрицем в догонялки надо поиграть!

Эх! Сибирский мороз, *Припев:*
Вышел позабавиться,
Отморозил Фрицу нос,
А Иван куражится!

Фрицам для сугреву дали огоньку,
А потом рванули через ту реку!
Снегу по колено, а мы всё бегом,
Кровушка кипела, дым валил столбом!

Эх! Сибирский мороз, *Припев:*
Вышел позабавиться,
Отморозил Фрицу нос,
А Иван куражится!

Эх, и разогрелись, братцы, мы тогда,
От Москвы прогнали наглого врага!
Генерал немецкий Гитлеру донёс,
Лютый, мол, у русских генерал Мороз.

Эх! Сибирский мороз, *Припев:*
Вышел позабавиться,
Отморозил Фрицу нос,
А Иван куражится!

«Боевая подруга» (слова песни)

*Герою Социалистического Труда, танкисту-разведчику,
старишине, Кокаеву Саламгери Алихановичу, ветерану Великой
Отечественной войны посвящается*

Я пришёл к тебе, Тридцатьчетвёрка,
Остальной экипаж не собрать...
И не будет дымиться махорка,
И не будет гармошка играть.

Помню, воеет свинцовая вьюга *Припев:*
И болванки стучат по броне...
Видно, мне, «Боевая подруга»,
Никогда не забыть о войне

Да и ты уж не фыркнешь мотором,
Напрягая свой панцирь стальной,
Не помчишься по грозным просторам
Сквозь бушующий вал огневой.
Помню, воеет свинцовая вьюга *Припев:*
И болванки стучат по броне...
Видно, мне, «Боевая подруга»,
Никогда не забыть о войне

Нас жестоко война исхлестала,
Воскресали с тобой мы не раз.
Нынче снова я у пьедестала,
И роса набежала на глаз...

Помню, воеет свинцовая вьюга *Припев:*
И болванки стучат по броне...
Видно, мне, «Боевая подруга»,
Никогда не забыть о войне

Ты прости старика – ветерана,
Это память мне сердце щемит,
Это ноет проклятая рана,
Это прошлое кровоточит...

Помню, воеет свинцовая вьюга *Припев:*
И болванки стучат по броне...
Видно, мне, «Боевая подруга»,
Никогда не забыть о войне

Заслон

*Светлой памяти моего отца капитана Бадтиева Салама
Захаровича*

Спит под обелиском капитан Салам...
Я в поклоне низком волю дал слезам.
Прах отца, комбата сорок лет искал,
Чтоб исполнить свято древний ритуал.

Ритуал остался со времён алан:
Павший доставлялся с поля брани в стан.
Воина останки в дом несли родной,
Окропить горянки жгучею слезой.

Я припал к могиле, сдерживая стон.
Страшной вражьей силе здесь стоял заслон!
Был тот бой неравных и расклад суров:
Горсточки отважных с полчищем врагов.

Полегли танкисты в сотый день войны
На земле лесистой у села Рахны.
С командиром вместе двадцать два бойца
Вот на этом месте бились до конца!
Братская могила боевых друзей,
Неземная сила в святости твоей!
Не посмев тревожить сон богатырей,
Я не стал корёжить клад святых костей...

Так ушёл в приданье древний ритуал,
Я же на прощанье горсть землицы взял.
Я на ней у дома дерево взрастил,
Через тень разлома тропку проложил.

Летнею порою молодой дубок
Шепчется со мною: «Как дела, сынок?»
Я к коре шершавой прикоснусь рукой
И отвечу браво: «Хорошо, родной!»

Иван Белогорохов г. Москва

Змей Мидгарда

Генрих Шкловер обожал охоту. В детстве они с отцом часто ходили на зайца и лису зимой. Лето и осень – это утки и куропатки. Последние вылетали прямо из-под ног, когда идешь по полю и спугиваешь всю стаю. А что самое главное в охоте? Сидеть в засаде и ждать. Как он это не любил тогда, в эпоху детства, но зато сейчас разведчик благодарил отца за жизненные уроки. А химика за тот парфюм, что превращал человека в мире собачьих запахов в призрака. Овчарки обходили его позицию в трех метрах и ни разу ни гавкнули. А вот ему открылась довольно интересная картина. Шкловер пожалел, что не взял кинокамеру. Правда в такой видимости и с двадцатью минутами свободной пленки видеохроника трехчасовой операции не будет смотреться эффектно.

Началось все с банального железнодорожного состава. Обычный поезд привлек внимание любителя охоты, когда некоторые вагоны самостоятельно начали съезжать с рельсов, отстыковываясь от основного состава. У каждого такого вагона имелись гусеницы как у тяжелого танка. Да и габариты вагонов впечатляли. Каждый вагон-ячейка был шести метров в длину, семи метров в ширину и почти четыре метра в высоту. Но больше всего интерес вызывала головная часть отделившегося состава – она обладала настоящей системой буров, каждый диаметром в полтора метра. Обособленные вагоны-ячейки продолжали движение по земле, соединяясь друг с другом в определенной последовательности. Стыковочные места нового состава тут же отделялись складным металлическим коробом и тщательно проваривались. Шкловер не обращал внимания ни на затекшие ноги, ни на моросивший дождь, когда военные инженеры Вермахта на его глазах собрали настоящий сухопутный поезд на гусеницах и с буровыми головками на главной ячейке. Место сборки ничем особенным не выделялось. О строительстве метро в районе Кёнигсберга никаких разговоров не шло. Иллюзии закончились, когда рядовые солдаты начали грузить в вагоны ящики с патронами и боеприпасами. Генрих безошибочно узнал маркировку. Профессия разведчика обязывала быть компетентным в данных вопросах. Кроме того, борт подземохода принимал не одну порцию мин различного назначения. Подземный поезд мог с такими запасами возвести оборонительную линию укреплений от небольшой армии как пехотной, так и танковой. Орудийные отсеки не гнушались пополняться и банальными пулемётами крупного калибра. Шкловер понятия не имел, куда из Кенигсберга этот состав отправится и какая у него цель.

«Эх, – сокрушался Генрих, – сейчас бы троечку гранат „эм-двадцать четыре“ да по ящичкам с незагруженными боеприпасами! Одна моя жизнь и это стальное чудовище превратиться в груды обломков. Но гранат с собой нет. Их не так просто проносить под одеждой даже в военное время».

Командовал процессом сборки гусеничного поезда майор СС. Высокий широкоплечий блондин с лицом настоящего арийца. Шкловера немного передернуло при мысли о возможной схватке с таким силачом.

– Никому не таращиться, – распоряжался майор, поигрывая пистолетом, – а спокойно выполнять задачу. Фюрер получит подземное оружие, способное преодолеть любые линии фронта и доставить бомбы с десантом в любые города. Конечно, при условии, что прототип Мидгардского змея проведет свой первый проход под землей без всяких эксцессов.

Солдаты и военные инженеры сновали рядом с Мидгардским змеем точно рабочие муравьи.

– Напоминаю, – продолжил майор, – всех вас здесь нет, и если кто-нибудь особо болтливый откроет рот, то его будут ждать палачи Гестапо. Предупреждение касается всех присутствующих! И даже меня! – ариец приставил в фуражке пистолет, не скрывая серьезность произнесенных слов. – Если я предам Фюрера, то разрешаю выбить себе мозги!

– У нас есть новости, гер майор, – особый смельчак в форме инженерных войск решил вступить с арийцем в беседу. – Торпеды класса «фафнир» и снаряды типа «мьелнер» придут послезавтра.

– И чем же это вы объясняете? – наклонив голову чуть набок, поинтересовался майор.

– Их производили в другом месте, – ответил инженер. – Новый состав идет к нам на всех парах. Расчетное время прибытия передали по радиогамме.

– И что я должен сделать теперь, – офицер перешел на крик, но под дождем, да еще и под вечер это смотрелось скорее комично, чем устрашающе.

– Мы должны собрать экипировку Мидгардского змея полностью, согласно документам конструктора Риттера. – Инженеру было нечего терять. Он выполнял свою работу. Застрелят его, автоматически эти же фразы выскажет другой. А боевая машина от этого не шибко-то и поедет.

Майор приставил дуло пистолета к губам инженера, но нажимать на курок не стал. В конце концов, что он будет делать с подземной боевой машиной без основных боеприпасов.

– А что с подземными перископовыми торпедами для проведения разведки? – осклабился офицер. – Их, надеюсь, доставят в срок?!

– Орудие класса «альберик» придёт вместе с остальным боекомплектом, – отрапортовал немец.

– Хорошо! – майор убрал оружие в кобуру и задрал голову, подставляя лицо струям холодного дождя.

– Майор, – инженер еще не закончил с рапортами, но эти сводки должны были понравиться командиру операции.

Офицер СС не произнес ни слова в ответ, но посмотрел на подчиненного так, словно готов был съесть его целиком вместо ужина.

– Мы своевременно управились со сборкой гусеничного состава и опередили план-график на девятнадцать часов.

Военный инженер хотел услышать похвалу. Их учили собирать и чинить военную технику в условиях непрерывного боя. И сейчас его отделению удалось собрать единственный прототип нового оружия в полевых условиях с опережением даже самых пессимистичных прогнозов.

– Исчезни! – грозно рыкнул майор, радуясь в душе, как экипаж под его личным руководством поведет в реальный бой первую в мире субтеррину – подземную боевую лодку, способную также перемещаться по суше и под водой на небольших глубинах. – «Мидгардский змей, боевая субтеррина! И она целиком в моей власти!»

– Проверить все системы гусеничного хода и закопать машину на полкорпуса в грунт! – отдал срочный приказ ариец. – И навести маскировку от возможной авиаразведки. Мы ведем войну со всем миром, если вы еще не в курсе! Вермахт через год построит дюжину таких же машин в случае успеха операции. И я не допущу срыва столь грандиозных планов командования.

Генрих протер глаза, увидев, как огромный гусеничный поезд сам себя зарывает в плотный грунт. Двигатели машины работали ровно и без сбоев, а от их тихого урчания так и хотелось заснуть.

«Значит, эту штуку зовут Мидгардским змеем, – переваривал увиденное и услышанное Шкловер. – Майор назвал этот гусеничный поезд субтерриной. Типа субмарина, только подземная. И на нее установят специально сконструированное под нее оружие. Дела! Если этот змей уедет отсюда под землю, то Советской армии придется очень непросто».

Советский разведчик умел многое. Годы жестокой учебы вложили в неказистого на вид человека массу полезной информации и снабдили дюжиной таких навыков, о которых мало кто знает. Но ему одному со стальным исполином было не справиться. Шкловеру требовалась помощь, и он знал, где ее взять.

– Гер Болингер?

Андрей долго привыкал к этой фамилии. В отличие от остальных ему повезло больше, имя менять не пришлось. К нему приближалась худощавая высокая блондинка лет пятидесяти.

– Фрау Гертер, – поприветствовал координатора секции Андрей, – чем могу быть полезным?

– Имматериальный мир в концепции классической философии, – Фрида Гертер, дотошная до мелочей и преданный член СС, открыла конференционный сборник на тезисах Андрея. – Интересная у вас тема, гер Болингер. И я впервые вижу вас в Кенигсберге. Это странно. Подобные работы должны представляться в Берлине, а не на затворках.

– Далеко не все современные философы поддерживают мои взгляды, – честно признался Андрей, – а нарываться на открытую полемику пока что не очень хочется. Да и город интересный. Богатая история, старинные замки и я никогда здесь не был. Ученых как магнитом тащит на все новое и неоткрытое, пусть даже непознанное касается отчасти их собственного мира и окружения.

– А как вы не попали на фронт? – Тонкие губы, покрашенные вызывающе яркой помадой, смотрелись комично на немного приплюснутом лице и в комбинации с лисьим взглядом прищуренных серо-голубых глаз. Такой собеседник лгал легче, чем говорил правду, а с чинами из СС при подобных разговорах следовало проявлять повышенную осторожность. – Я бы не допустила потери столь мужественного кандидата для нашей пехоты.

– Увы, – с сочувствием ответил Болингер, – мне по возрасту уже за сорок, да и боли в коленях отправят меня в медсанчасть после первого же марш-броска. Вот и приходится трудиться не ногами, а умом, отстаивая честь немецкой науки на международных конференциях.

– Зато у вас прекрасный язык, – получить похвалу фрау Гертер удавалось немногим. Курируя гуманитарные секции, представитель СС с удовольствием использовала все преимущества должностного положения, чтобы показать иному профессору его место в грядущем мировом порядке. К философу с окраин придаться оказалось непросто. – Я не слышу ни единого звука от швабских диалектов.

– Благодарю, фрау Гертер, – Андрей чуть склонил голову набок, выражая благодарность за лестные фразы.

– Вы знаете, кто я по иной стихии? – заговорщицки подмигнула дама.

Андрей знал. Это все знали. Как правило, о представителях СС в научных кругах ходили определенные слухи. Основные советы – меньше подробностей, фразы строить как на допросе и не вынашивать никаких иллюзий от предлагаемых благ.

Фрида поняла реакцию Болингера без лишних слов. Ее все боялись, но градация страха у каждого имела свои границы. Приезжий философ поражал даму тем, что абсолютно ее не боялся. Ученого выдавали глаза. Да, не арийские. Чистой зелени мало. Скорее серо-зеленые и с волосами каштанового цвета с примесью хны не очень сочетались. Возраст Болингера был сорок два, рост насчитывал скромные метр шестьдесят семь, зато в плечах он мог спокойно обнять полтора арийца. Данные об ученом офицер СС получила из наведенных запросов. Пробелов не обнаружилось, и в этом Андрею повезло.

– Я через неделю буду в Берлине, – продолжила Фрида, – и первым делом я отправлю отзвыв о ваших работах в секретариат Аненербе.

– Благодарю, фрау Гертер, – Андрей чувствовал себя так, будто ему только что предложили выбор между небом и землей, а он парил где-то в пустоте.

– До встречи, гер Болингер.

Когда координатор ушла, Андрей посмотрел на часы. Хронометр показывал час дня. Времени оставалось не так уж и много. Подумать только, представитель СС предложила советскому разведчику вступить в ряды Аненербе! Если кому-то об этом рассказать, засмеют и никто не поверит ни единому слову.

Франц Альвисо не верил ничему. Работа была такая – бегать по улочкам с карандашом и откидным блокнотом, записывая всякую ерундовую мелочь. А уже потом, за столиком со штруделем и чаем обмозговывалась будущая статья в газету. Подумать только, выпускник филологического факультета бегал по пыльным городкам и писал второсортные заметки. Да, штаб выбрал его для сбора информации за языковые знания. Английский, французский, немецкий и итальянский – на этих языках Франц говорил также легко, как и на родном русском. Поэтому он отлично знал цену новостей из второсортных газет. Да, в разделе объявлений сутки назад приглянулся один текстик. Кто-то на окраине Кенигсберга собирал агентов. Причем шифровка так и кричала о срочном сборе. Зачем, почему и кто – этого в три строчки не зашифруешь. Небольшой животик, осенняя погода и склонность к обильному потоотделению превращала грядущую прогулку в настоящий кошмар. Настроение агента из плохого могло вот-вот превратиться в очень плохое.

Злобная жирная муха попыталась сесть на недоеденный пирог с яблоком и корицей, но Альвисо никак не мог забыть уроки по самообороне за время пребывания на чужбине. Свернув газету в плотную трубочку, Франц со всей силы ударил по мухе. Попал! Насекомое со шлепком встретило газетную атаку и, пролетев чуть-чуть дистанции, смачно врезалось во что-то твердое и большое.

– Ваши документы! – прорычали сверху.

Франц поднял глаза. Из-под запотевших очков на него смотрел человек-гора в полицейской униформе. Каждая ладонь размером с лопату, плечи как у греческого колосса. А плотный плащ серого цвета и фуражка превращали гиганта в ходячий танк.

Альвисо крепче стиснул газету и со всей силы треснул ей полиция в живот.

– Свали, – сквозь зубы прошипел Франц.

Полицейский пододвинул свободный стул и сел рядом.

– Будешь пирожки? – мягким тоном поинтересовался репортер. – Они здесь вкусные.

Офицер поправил фуражку и улыбнулся уголком губ:

– Ну, вот почему именно тебя я вижу яснее всего среди многоликой толпы?

– Я популярный, – признался репортер.

– Ты нервный, – поправил друга офицер. – Похоже, осенняя погода вносит определенные коррективы в твое поведение. Не находишь?

– Просто мне не нравится этот общий сбор.

Франц познакомился с Вальтером десять лет назад. Тогда Володька продержался на ринге один против троих целых десять минут. Дело было в небольшой воинской части в Шкотово, Альвисо проходил там курс молодого бойца, а Вову командировали из Биробиджана. Дальний Восток для гиганта был как испытание. И нынешний полицейский не любил вспоминать о суровых месяцах проверки на прочность. Зато сейчас он мог спокойно гулять среди немецких патрулей, ничего не опасаясь. И далеко не униформа гарантировала ему безопасность. Четыре человека для Вальтера в драке не представляли никаких проблем при любом раскладе и в любом окружении. Про него в Шкотово ходили мифы, будто он с медведем в борьбе сходил и ничего, выжил. Только слухам будущий разведчик не верил, а вот глазам доверял.

Вальтер действительно был полон сюрпризов, и под грозной внешностью дремала неудержимая мощь русского богатыря. Альвисио сразу стало теплее, и погода показалась не такой уж и серой, да и день немного налаживался. Все-таки правду говорят: когда друг рядом, беда сама стороной обойдет.

– Ну, человек нас собирает проверенный, – неожиданно выдал богатырь.

– Ты что, его знаешь? – переспросил Франц.

– Немного, – как бы ни чесался язык, и кто бы ни спрашивал о товарищах по ремеслу, разведчик никогда не выдаст всю правду. Хотя, про Генриха сам богатырь тоже знал немного.

– Друзья, как здорово, что мы сегодня здесь встретились, – рука разведчика потянулась за бутылкой. – А Кёнигсбергский коньяк в позднюю осень подходит как нельзя лучше для подобных встреч. Присоединяйтесь!

– Выкинь сейчас же этот шнапс! – Альвисио схватил офицерскую кружку и вылил содержимое в камин. Огонь жадно взвился, пожирая качественный спирт. – Нашел время для празднования!

– Нервы-нервы, Франц. – Болингер аккуратно положил газету на стул. В городе все было спокойно, а фронтовые новости для советского агента были кошмарнее день ото дня. Для человека, имевшего отношение к научному миру, содержание плотных страниц не давало ни единой основы для оптимистичных прогнозов. Гитлеру удастся теснить Красную армию, но его планы все чаще срываются контрнаступлениями, да и грядущая зима совсем не в пользу немцев. Что-то в душе философа подсказывало о переменах в лучшую сторону, нужно было только их дожидаться.

– Тоже заметил, – Франц злорадно ухмыльнулся, но комкать газету и кидать в огонь не стал. – У группы Вертера ушло больше года на наше внедрение. Даже в полицию проникли. В каком ты звании, Вальтер? Еще полгода и ты – подполковник, а согласно указу Гимmlера все старшие офицеры полиции порядка, начиная с подполковника, получают дополнительные аналогичные звания. Ты понимаешь, куда тебе откроется доступ? Сведения с фронтов, офицерские рауты, важные персоны и все их грехи, а также документы о перспективных разработках – центр получит все это с минимальным риском провала. Вот это наша работа, наша цена и посильные задачи. Легенды, имена, места – мы потеряем все, чтобы совершить мальчишескую выходку. [СС](#)

– Мальчишескую выходку? – переспросил Андрей.

– А что? – Немного выговорившись, Франц Альвисио плюхнулся в старинное кресло. Корреспондент его уровня на фронт не допускался. Пока. Да новости оттуда итак шли плотным потоком, а вот незатейливые заметки о замечательных людях Германии содержали иногда очень даже ценную информацию. Да, Кёнигсберг был странный город. Вроде многое проходит рядом, а иной раз тишь. Кроме исторических замков и связанных с ними преданиях, город мало чем мог заинтересовать разведчика. Удивительно, что он вообще сюда попал, хотя редактор выплатил неплохой аванс за небольшую заметку о местных достопримечательностях.

– Поезда взрывал мой отец, за что и был застрелен. А мать осталась со мной и сестренкой. И я еще раз скажу, наша работа – незаметно прийти в самый центр нацистской ставки, достать стратегически важные сведения и также незаметно удалиться, не оставив ни следа. А товарищ предлагает пустить под откос какой-то поезд с большим числом вагонов.

– А если это правда? – тон Болингера стал серьезным. – Генрих видел достаточно танков и их гусениц для столь дилетантской ошибки. Гусеничный поезд, способный перевозить бомбы под землей, не оставляя никаких следов.

– Таких машин до конца следующего года Вермахт построит еще дюжину, – Генрих не любил шуток. Профессия разведчика требовала серьезности, а масса фальшивых улыбок навсегда заставила его забыть, что значит улыбнуться как Георгий Ершов, уроженец Ростовской области. Вот и сейчас ситуация вырисовывалась настолько странной, что невольно хоте-

лось рассмеяться. И впрямь – подземный поезд на гусеницах. Как еще нацисты не додумались запустить его в воздух. Похожие проекты имелись у англичан, но там над землей мог подниматься танк, и то на небольшую высоту.

– В случае, – вставил слово Вальтер, – если намеченный перегон прототипа увенчается успехом.

– И тогда для Советской армии оружейные заводы Германии создадут непреодолимую проблему на всех фронтах, – Андрей покинул насиженное место и подошел к старому шкафу. За досками вишневого цвета и запыленным стеклом располагался тайник. Нет, золота и бриллиантом там не было. Разведчики в подобном мало нуждались. А вот парочка экспонатов стрелкового оружия и гранат там лежали, дожидаясь часа «икс». Агенту никогда не приходила мысль о личности людей, принесших сюда запасы. Пистолет приносил один, гранаты – другой, а третий собирал все вместе и делал закладку. – Мы не должны допустить этого и сорвем первый путь подземного поезда.

– Змей Мидгарда! – Оживился Генрих. – Я вспомнил, как офицер произнес это мифическое имя. Подземный поезд называется Змей Мидгарда.

– И мы должны отрубить змею голову, – Вальтер педантично поправил ворот мундира. Почти подполковник полиции порядка, а идет взрывать поезд. Как нехорошо, но от Владимира из Костромы другого и не ждали, отправляя в тыл врага.

Трое против одного – расклад не в пользу голоса разума. Францу идея о диверсии не нравилась ни на сантиметр, но без него товарищи могли потерпеть неудачу, а как выразился Болингер – провал недопустим никак.

– И что у вас есть в качестве плана? – сдался Альвисо. – Когда этот змей уезжает отсюда?

– Через шесть часов, – ответил Шкловер, – то есть сегодня в двадцать один ноль-ноль оружие нового образца отправится на первый бой с нашей армией.

– Заминировать предполагаемый маршрут подземного поезда, роющего тоннель, задача не из легких, – Болингер полез в тайник. – В любом случае нужно попасть на борт змея и подорвать загруженные в него боеприпасы. Других вариантов особо не вижу. Центр получит информацию по завершению операции. Иначе у нас просто не будет времени.

– Я с вами, – Франц нервно почесал седеющие виски. Это помогало разведчику привести мысли в порядок. Да, сегодня он дал волю эмоциям. Непростительная для его уровня ошибка, но сейчас он среди друзей, а где еще как не среди своих расслабляться? Он тоже человек, ему не чужд ни страх, ни гнев, ни боль. Здраваться и кивать тем, чьи войска сжигают твой родной город, сложное дело. На такой работе съедешь с катушек очень быстро. – Есть идея, как попасть на поезд?

Генрих в прошлый раз слышал про погрузку тяжелых мин и разведывательных торпед. Шкловер ни разу не видел торпеду для наземного поезда. Да, данный вид вооружений применяли во флоте. У подлодок это было главное средство поражения вражеских лодок и кораблей. Но у Мидгарского змея на борту имелся особый отсек с оборудованием для наружной разведки. Именно из-за задержки с доставкой торпед у агентов появились эти пара дней для встеч и координации действий.

Длина поезда была не больше четырехсот метров. Три отсека-ячейки приходились на топливные баки. Причем дизельное топливо предназначалось не гусеницам и не бурам. Если такую машину обслуживать целиком по правилам, то на одно подземное путешествие мог уйти целый нефтяной танкер. К тому же природу моторов выдавал звук. Генрих приходилось копать внутри тракторов. Да, сравнивать столь разные по классам агрегаты нельзя, но все же дизельный двигатель от электродвигателя разведчик мог отличить по звукам.

Электромоторам нужен ток. А получить ток в условиях полной изоляции мог только генератор. Анализ субтеррины, сделанный на основе наблюдений разведчика показывал, что буровые установки и гусеницы по периметру приводились в действие за счет электричества,

а электричество получалось благодаря системе топливных генераторов. А если были генераторы, то для них состав имел отсеки с топливом. На них и нужно было сосредоточить внимание. Взрыв горючего отрезал бы Мидгардскому змею туловище почти на одну треть. Плюс ко всему подземный взрыв провоцировал обвал грунта, что превращало гигантскую машину в подземную гробницу. Только сделать все нужно было, пока субтеррина находилась на малой глубине. Иначе разведчики сами погибали вместе с машиной.

Вальтер насчитал тридцать человек экипажа. Все солдаты регулярной армии. Также на борт предполагалось взять четырех инженеров.

Остальной коллектив механиков майор хладнокровно приказал расстрелять как ненужных свидетелей. И это было логично для СС. Они не щадили никого, даже своих солдат. Погрузка боеприпасов подошла к концу, когда разведчики прибыли на место стоянки субтеррины. Генрих сокрушался, что не успел рассмотреть боеприпасы и вооружение нового образца. Никто не давал гарантий, что новые виды снарядов и торпед не поступят на флот.

Франц уже не спорил и не обижался. В руках пистолет-пулемет Шпагина с парочкой магазинов к нему, любимый Вальтером парабеллум приятно грел внутренний карман куртки. Оставалось ждать приказа к атаке. Болингер прихватил парочку тридцать восьмых пистолетов. Советское оружие его рука любила больше, но на вражеской территории легче всего было разжиться местными образцами вооружения. К тому же пара одинаковых пистолетов как нельзя лучше подходила для боя в помещении. Полицейский предпочитал автоматическую винтовку «эф-гэ сорок два». Оружие разрабатывалось специально для десантных групп и позволяло вести как непрерывный огонь, так и стрельбу одиночными снарядами, но самое главное преимущество сорок второй винтовки – режим снайперского оружия. Именно на это и был сделан расчет.

Шкловер описал процесс зарывания машины. Змею на полное погружение в грунт требовалось от пятнадцати минут до получаса. Слабостью подземохода выступали аварийные люки и обзорные иллюминаторы в хвостовой части состава.

Подземоход начал погружение в грунт как раз когда за последним солдатом задрала дверь.

Лишних слов никому не требовалось. Патроны винтовки вполне могли справиться с бортовым иллюминатором, что Вальтер и доказал парой выстрелов. Дальше наступали секунды Шкловера. Скинув куртку и свитер, Генрих с максимальной скоростью проник на борт Мидгардского змея. Входной люк располагался на потолке, к нему вела лестница из скобок. Гусеницы подземохода производили должный шумовой фон, и звук битого стекла потонул в шуме роящихся землю траков. Время сейчас работало на немецких бойцов. Агенты понимали это. Когда Генрих открыл люк, его коллеги были уже на месте.

Франц не удержался и открыл огонь по излишне любопытным немцам. Нервы у агента иногда пошаливали, а вот стрелял он отменно.

– Похоже, майор приказал убрать не всех свидетелей сборки машины, – Андрею пришлось бросить одну гранату, чтобы успокоить выбегавших из-за грузовых платформ пехотинцев.

– Это минеры, – подсказал Вальтер, прыгая в открывшийся люк. Облака песка и грязи мешали точной стрельбе. Правда, очереди из «сороковых шмайссеров» легко могли ранить героев. Среди уцелевших солдат прозвучало:

– Не стреляйте по машине!

Болингер пальнул пару раз в плохо различимую фигуру немецкого солдата и прыгнул в люк.

Земля, белый песок и кусочки сухой глины с запасом насыпались разведчику за шиворот. Шкловер и Вальтер принялись спешно залатывать пробитый иллюминатор. Задохнуться в куче земли и грязи, не уничтожив Мидгардского змея, не входило в планы разведчиков.

– Ты сказал минеры? – уточнил Андрей.

– Если машина секретная, то немцы уничтожат любые напоминания о ее запуске. Первый этап состоял в ликвидации инженеров, собравших состав. А уничтожение пустых платформ и полевых кранов закончит взрывчатка. – Доводы полиция имели под собой определенную основу.

– Народ, – прошептал Франц, недоверчиво осматривая высокий потолок, – мы полностью погрузились под землю.

– У нас мало времени, – Шкловер принял на себя всю ответственность за несанкционированную операцию. – Мы не должны позволить мидгардскому змею уйти глубоко под землю.

– Я заметил, что солдаты не использовали отсеки из середины состава для посадки на борт. Логично, если топливные резервуары расположены там. – Болингер как раз вовремя приготовил пистолеты к бою.

Экипаж подземохода не оставил стрельбу на поверхности без внимания и к безбилетным пассажирам направились бойцы наперехват.

Вальтер в силу привычки успел к открывшейся переборке межвагонных дверей. Винтовка сейчас была бесполезна, а вот обоюдоострый нож с широким лезвием вошел немцу точно в грудь, протыкая легкие и ломая ребра. Франц быстро прикрыл друга короткой очередью из Шпагина. Увидев опасность, солдаты попытались закрыть дверь, но пересилить русского богатыря оказалось невозможно. Когда перед полицаем показалась голова другого немца, он просто свернул ему шею.

– Быстро нас вычислили, – подмигнул Шкловер Болингеру.

Андрей указал на висевшие на стенах приборы для связи. Они напоминали чем-то советский радиоприемник, только соединялись с системами машины через толстые кабели.

Альвисо недолго думая перерезал связь с ближайшим коммуникатором.

– Теперь они нас не услышат, – злорадно похвастался разведчик.

– А если вычислят секцию с нами? – парировал Андрей.

– Вперед, – Генрих понял, по ящикам с патронами, что они попали в один из вагонов с боезапасами. – Когда попадем в вагон с минами, то можно приступать к запасному плану по подрыву субтеррины.

Тридцать человек на четырехсотметровый поезд – команда небольшая, но если поезд движется под землей и вопрос кислорода встает достаточно остро, то все укладывается в норму. Майор Рихард Аугер был несказанно рад выпавшей возможности возглавить первый в мире боевой подземоход. Он готов был много раз выражать благодарность своему покровителю в Вермахте, хотя на этапе отбора он прошел все испытания и оставил конкурентов далеко позади. Капитан подземной боевой лодки – звучало достаточно громко. Капитанская рубка располагала самым лучшим оборудованием для навигации. Подземоход мог отслеживать координаты любых наземных целей, даже оставаясь в сотне метрах под ними. При погружении змея немного трясло. Инженеры, занявшие места операторов в рубке, объясняли это неверным подбором параметров погружения. Точные данные подбираются опытным путем, исходя из статистики подобных погружений. Мидгардский змей был в этом плане первопроходцем. Вся информация о первом погружении под землю записывалась тремя архивариусами. Их задача состояла в поминутном ведении хроник из стенограмм. По завершению задания папки с документами попадут в конструкторские бюро, где ученики Риттера проведут необходимые модернизации машины. Аугер нисколько не стыдился отданному приказу о расстреле вспомогательного персонала. В условиях, когда германская армия вела успешные действия на советском фронте, самые ценные инженерные кадры перебрасывались в захваченные города для оценки потенциальных трофеев и вывоза важного оборудования. Сбой с запуском из-за глупой задержки лишний раз показывал глупость расчета на простой случай. Никто не давал гарантий, что среди наспех набранных людей, не было русских шпионов.

– Майор, – один из младших офицеров посмел отвлечь капитана подземохода, – у нас на борту посторонние.

– Я так и знал! – хищно ухмыльнулся Рихард, щелкая пальцами. – Запуск боевой субтеррины не мог остаться без внимания русского СМЕРШа и его агентов.

– Возвращаемся назад?

– Ты что говоришь, глупец?! – разозлился майор. – Змей Мидгарда обошелся Вермахту в десять миллионов марок. В случае успешного выполнения задачи германские заводы смогут за год построить еще десяток похожих машин. Ты только посмотри на эту мощь! Мы точно металлический червяк из европейских мифов прогрызаем путь к победе в толще земли. Неужели вы думаете, что парочка русских агентов смогут помешать мне доказать ультимативную мощь подземохода?

Операторы молча вели машину к цели. Для них все внимание приковывали светящиеся радары и гистограммы. Только прерванный скрип металлического пера по бумаге выдавал возникшее напряжение.

– Изолируйте отсек с гостями, – небрежно выдал майор.

– Извините, гер майор, но в данной конфигурации это невозможно сделать дистанционно, – честно ответил инженер. – Вам нужно подойти к проблемному участку и провести блокировку дверей вручную. Погрешность полевой сборки.

Аугер достал пистолет, обращаясь к архивариусам:

– Так и запишите, чтобы в будущем было предусмотрено управление всеми отсеками геохода из капитанской рубки. И еще, во избежание массового скопления лишних людей у точки инсталляции, субтеррина должна уметь сама производить зачистку места старта. А сейчас мне нужно пятеро умелых стрелков.

– Бойцы пехоты расквартированы в следующих трех отсеках за рубкой, – напомнил майору инженер.

– Отлично! – Рихард давно хотел помериться силами с бойцами СМЕРШа. – Всем остальным приказываю продолжать вести геоход к цели.

– Яволь, майн майор! – ответили операторы.

– Мы уже прошли вагона три, – волновался Франц. И ему было, отчего нервничать. Подземоход постоянно трясло, причем вибрация различного уровня окружала разведчиков со всех сторон. – А где же топливные баки?

– Мы нашли боезапас с минами, и даже как-то их использовали, – Болингер попытался пошутить, но весёлого было мало. – Оставшийся запас взрывчатки теперь ставим только на топливный бак. Хотя бы один.

– Люди, – Генрих довольно подмигнул остальным, – за следующей дверью отсек с моторами.

– Это по твоей части, – произнес Вальтер, – я с техникой на «вы».

Про парочку убитых немцев, попавшихся на пути, полицей умолчал. Для него это являлось частью работы.

Оставлять без охраны ячейку с электродвигателями никто никогда не будет. Плотный жилет, десантные каски, автомат последней модели – все это превращало немецких солдат в грозное препятствие, но в сложившейся ситуации экипаж субтеррины никак не ожидал нападения, тем более из того отсека, где должны были быть солдаты. Шкловер открыл дверь, а Болингер как шарик прокатился внутрь, успевая точно попасть в голову одному из бойцов. Пуля пришлась аккуратно в лицо, превратив половину головы в кровавую кашу. Выпущенная очередь из автомата Андрея не зацепила. Второму солдату повезло чуть больше – три выстрела в грудь пробили легкие и немец захлебнулся собственной кровью.

– Хороша работа, – похвалил коллегу Вальтер, и в правой части его груди выбился красный фонтанчик. В узком месте вести бой с маневрированием было почти невозможно. У Болингера не было выхода, кроме как укрыться за кожухами электродвигателя.

– В укрытие! – отдал приказ Генрих, выпуская пару пуль в сторону противоположных дверей. Стрелок попал в вагон-ячейку именно оттуда, и из-за края двери показывался второй, но выстрелы разведчика его отпугнули.

Встретив ответный залп, немец отбежал в сторону. Противников разделяли высокие корпуса двигателей. Никаких гранат или разрывных патронов применять было нельзя. Майор Аугер пробежал состав субтеррины со скоростью бегуна олимпийца, нещадно подгоняя отобранных для противостояния бойцов. Офицер как раз опасался захвата русскими агентами моторного отсека. Катастрофой это пока не грозило, а вот срыв выполнения задания мог легко произойти.

Андрей как заправский гимнаст запрыгнул на крышку двигателя и ликвидировал немца парой точных выстрелов. Но пехотинец перед смертью судорожно нажал на курок, выпуская оставшиеся в магазине патроны.

Вальтер пропустил Генриха вперед, Франц открыл стрельбу по передней двери, ведущей в соседний вагон.

– Не расходуй патроны! – рявкнул на Альвисо Шкловер. – Философ, с тебя вход! Богатырь, со мной!

Репортер встал в проходе, держа противоположную дверь под прицелом. Болингер также держал переход между ячейками на мушке пистолета. Стрелять приходилось из-за угла, активной оказалась только одна рука.

Конструкторы приготовили диверсантам подарок – электродвигатели как черепахи были упакованы в толстые пластины кожухов со всех сторон. Для доступа к их внутренностям механику требовалось открутить не меньше сорока гаек. Когда располагаешь лишним часом времени, проблем никаких не будет, но в цейтноте нужен был альтернативный вариант решения проблемы.

– Распределительные щиты! – Генрих взялся за первый из подходящих к ближайшему щиту кабелей. – Вальтер! Вырви их все! Тогда мы точно перебьем питание!

Богатырь даже с раненым плечом легко справился с задачей. Как только в руках полиция заискрился последний конец силовой жилы, в вагоне погас свет, и что-то сильно ударило в пол.

– Двигатели! – сообразил майор. – Они отключили питание. – Такой расклад в планы не входил даже при наихудшем прогнозе.

– Одна треть корпуса обездвижена, – ровно и без истерики произнес оператор из рубки по каналу громкой связи.

Если задние элементы продвижения в грунте не активны, то при дальнейшем углублении мягкие породы могут зажать задние секции и машину раздавит.

– Стоп машина! – приказал майор операторам. – Ждите моей команды!

Офицеру СС требовался отчаянный рывок для штурма. Он слышал выстрелы пистолета и русский пистолет-пулемет. Агентов было больше одного, но они уже прошли через шестерых солдат. Гранаты бросать нельзя, иначе машина намертво встанет в пластах породы.

«Агентам СМЕРШ дали приказ на захват машины, – размышлял капитан подземохода. – И если их там двое, то половину боезапаса уже расстреляли. Это открывает дорогу к действиям».

Выставив четверых солдат впереди, майор приказал идти на штурм.

Тело первого бойца противники использовали как щит. Второй успел слегка огрызнуться коротким залпом прежде, чем пуля Болингера пронзила ему живот. Солдат был жив, но корчился и стонал от боли. Андрей и Франц смачно поливали немцев выстрелами. Для агентов главным были Вальтер и Генрих. Один разбирался в деталях машины, а другой мог голыми руками оторвать или сломать любой предмет. Проблема образовалась, когда в магази-

нах Болингера опустело, и потребовалось время на перезарядку. Альвисо стрелял из Шпагина как живой танк. На время перезарядки агент имел парабеллум, но для смены оружия чуть-чуть не хватило скорости. Бойцы майора открыли двери достаточно, чтобы выстрел Рихарда достал до цели. Точно в сердце! Офицер СС мог бы гордиться таким выстрелом, и медлить больше было нельзя. Толкнув последнего живого солдата внутрь, Аугер шмыгнул следом. Болингер увидел мелькнувшую тень и выпустил по ней два выстрела. Рядовой пехоты умер быстро, а вот майору повезло больше – он смог поймать руку Андрея в захват и болевым приемом вывернул из пальцев оружие. Философ как мог сопротивлялся, но офицер Вермахта намного превосходил агента по силам.

– Я взорву все ваши города, а перед этим получу медаль от Гестапо за ценного русского агента! – Рихард ударил Болингера под ребра, а затем поднял на вытянутых руках над полом, держа за горло. Контрудары ногами ничего не давали, а сбить захват ударами ладоней снизу оказалось невозможно, ввиду физического превосходства противника.

Генрих готов был выстрелить, но Вальтер как тайфун обрушился на врага.

Майор не ожидал, что противников окажется так много. Удар сбоку в голову едва не проломил нацисту череп, но офицер СС устоял.

Задушенного Болингера пришлось отпустить – для майора сбылась долгожданная мечта, и он встретил равного по силам противника.

Широкое лезвие ножа вошло в жилистое тело немца, только этого для победы не хватало. Майор нацелил кулак в лицо Вальтера, но агент ловко схватил руку врага в районе локтевого сустава, раздался хруст ломаемых хрящей.

Рихард не зря возглавил секретную миссию Мидгардского змея. Сильный и коварный, он имел все шансы на успех. Вторая рука уже направляла ствол пистолета Вальтеру в живот, но пришедший в себя Болингер перехватил оружие нациста. Выстрел чуть не поразил Шкловера, который готов бы в любой момент вмешаться в случае смерти Вальтера. Худшего не произошло. Агентам удалось в этот раз обойтись без потерь. Но капитан субтеррины все еще был жив! Не желая покидать поле боя, он с силой атаковал Вальтера ногой в пах. Русский колосс ответил захватом за горло. Сломанная рука не действовала, вторую выкручивал Болингер. Агент СМЕРШ отпустил немца только после звучного хруста под пальцами, после чего майор СС Рихард Аугер грузно осел на пол без единого движения.

– Франц, – все еще жадно глотая воздух, Болингер, кивком показал назад, а сам взял автоматы убитых немцев и побежал в следующий вагон. Он расстреливал все магазины, отгоняя испуганных немцев назад. Вальтер как былинный исполин следовал за ним, простреливая из парабеллумов все углы. Весть о гибели командира обескураживала простых солдат. Пока операторы в рубке приходили в себя от новости и решали, кого выбрать главным, агентам удалось отвоевать еще четыре вагона, один из которых был топливный. Дальше путь им закрыли блокировкой дверей. Оставшийся экипаж не решался выйти в открытое противостояние агентам СМЕРШа.

Шкловер с серым лицом покачал головой, показывая, что агент Франц Альвисо умер.

– Я нашел еще электродвигатели, – обронил Генрих Вальтеру. – Андрей, с тебя топливные баки. – Передав оставшуюся взрывчатку философу, агент удалился по своим делам.

– А как мы-то отсюда уйдем? – закончив минирование, Болингер вытер рукавом испарину. Кислорода оставалось мало и, похоже, инженерный состав экипажа нашел способ расправы с гостями: они банально отключили подачу кислорода. Вопрос о том времени, когда агенты задохнутся измерялся парой часов.

– По пути сюда я заметил пару небольших отсеков с надписью «Laugin» и значком катапульты. – Устало ответил Вальтер. Нехватка кислорода сказывалась на нем больше, чем на других. Ранение и потеря крови также ослабили богатыря. – Генрих, ты сможешь разобраться?

Радовало и то, что хоть силач и терял силы, они с философом успели под руководством Шкловера заклинить механизм открытия междвагонных дверей. Теперь в захваченные советскими разведчиками вагоны-ячейки подземохода никто уже пробраться не мог.

– В одном из захваченных отсеков-ячеек есть мастерская с инструментами и всяким хламом, – утешительно ответил Шкловер. – Я думаю, минут через двадцать можно будет рвануть отсюда в подземных катапультах, оставив Мидгардскому змею прощальный подарок в виде бомб с часовым механизмом.

Когда агенты выбрались на поверхность, был уже день следующих суток. Во время прорыва в капсулах подземной катапульты из земных недр, конструкцию жутко трясло, а потом по ушам ударил оглушительный грохот.

– Мы в десяти километрах от Кенигсберга, – Вальтер глубоко вздохнул, оказавшись на поверхности. Для силача свежий воздух давал больше здоровья, чем любой лекарь.

– Вот и хорошо, – резюмировал Генрих, перекрестившись в молитве. – Меня здесь мало кто наблюдал. Андрей завтра уезжает, а тебя, мой полицей, надо подлатать во избежание вопросов.

– У меня есть нужный врач, – отмахнулся богатырь, – к тому же я был не в униформе. Это уменьшает шансы опознания.

– Но нам нужно еще закопать спасательную капсулу и проверить, все ли уничтожили минеры на стартовой площадке, – произнес Болингер. – Чтобы больше ничто не напоминало миру о Змее Мидгарда.

Сергей Берсенеv г. Москва

Голос Левитана

Стояла жаркая пора
За десять суток до июля.
Ходили слухи по дворам,
Гудел страны пчелиный улей.

Ещё был вечер трудовой,
Ещё не выпрямилось тело,
Но отчего-то вдруг домой
Оно взволнованным летело.

Там – тёщи милое нытьё,
Там – культ Вождя и культ Орловой,
И к счастью светлому ведёт
Газеты «правильное» Слово.

Возьмет ли первенство «Спартак»?
Забьёт ли Киеву Федотов?
А всё не выстроится так,
Как расписали день по нотам.

Арест соседа – не беда:
Ну, прямо взяли по заказу...
Спросить вдогонку бы: «Когда
«накроют» вражью нечисть разом?»

Ответ, точней – девятый вал
Заставит вспомнить о наркозе...
И где-то фоном напевал
Об утомлённом солнце Козин...

И ни один не смог кроссворд
Вместить подкравшую тайну —
О чём поведает вот-вот
Могучий голос Левитана.

Задача

В задаче есть солдат, окоп и танк...
У каждого из них своя планида...
Спустя мгновение всё будет так —
Кому – снаряд, медаль, кому подбитым
Повесить нос уныло на броне,
За ратный подвиг кланяясь солдату,
А он – в окопе, раненый, на дне
Сквозь пелену у Бога ищет дату —
Когда же эта кончится война,
Которая для всех так много значит?!
Уже близки – посмертная весна,
Последний бой. Решается задача.

Поклонюсь...

Поклонюсь я солдату
За Берлин, за Рейхстаг,
За победную дату,
За простреленный стяг.
Поклонюсь я герою
За свободную Русь,
За язык, на котором
Иногда матерюсь.

Моей Женщине – в пояс
За рождённых детей...
И за долгую повесть
Благодарен я ей.
За горячую кружку
Для поднятия сил!
Что очаг не потушен,
Без любви не остыл.
Поцелую я землю
За поля и леса,
За весеннюю зелень,
И за свет в небесах.
Ну, а если нагрянут
По зиме холода,
Хоронить меня рано!
Не уйду никуда!

И ни дважды, ни трижды
Враг стучался в мой дом...
Кто из нас будет лишним,
Скажет время потом.

Не поверю мессиям
И удельным князьям,
Что они есть – Россия,
Что их в пекло нельзя!

Татьяна Бирюкова **Московская область, г. Видное**

Воспоминания о моем отце, участнике ВОВ **Александр Тимофеевич Бирюков** **(07.11.1911 – 01.05.1973)**

Моего отца уже давно нет, он ушёл в мир иной, но, когда вижу ветеранов войны, чья грудь в орденах и медалях, сразу вспоминаю его, участника Великой Отечественной. Уроженец села Березовка Вязовского района Волгоградской области, он был мобилизован и с честью прошёл дорогами войны до Кенигсберга. После войны женился, и у него родились три дочери. О войне говорил изредка, скупно, в то далёкое, послевоенное время мало кто вспоминал о своей нелёгкой службе. Я не припомню, чтобы он носил свои регалии, но точно знаю, что когда ещё была совсем маленькой, то папины медали притягивали меня, как магнит.

Очень любила я заглядывать в большущий сундук, который открывала мама (похожие сундуки были у всех наших соседей), и каждый раз, мне казалось, что в нём появлялось что-то новое. Особо «ценные» вещи лежали в прискрынке. Прискрынок – это такой ящичек, у нас он был справа, внутри сундука на всю его ширину. Там лежал свёрток. В полотняную белую тряпочку были завернуты военный билет отца и его ордена и медали. Медаль «За отвагу», «За оборону Сталинграда», орден «Красной Звезды» и орден «Отечественной войны». В далёком детстве они были просто игрушками, особыми, но игрушками, которые давали ненадолго, а потом заворачивали и клали на место, в сундук. Крышка захлопывалась до следующего раза.

Жалею, что в свое время мы мало говорили о войне, мало расспрашивали о том, как воевал отец. Он был связистом. Один раз вдвоём с товарищем тянули связь на очередную высоту, только туда забрались, как услышали голос, который что-то тревожно дважды сказал на немецком языке. Отец каким-то шестым чувством понял, что нужно уйти. Кубарем покатился он под откос, а через минуту на высоте раздался взрыв, потом другой. В этот раз он чудом остался жив. В другой раз папа пробирался по оврагу. Над ним низко-низко пролетел самолет, прошёл очередь, но где-то в стороне, отец вжался в землю, потом вскочил и побежал, а самолет развернулся и снова пролетел над головой, опять прошёл очередь, но уже с другой стороны, потом помахал крыльями и улетел, явно издеваясь, но и теперь папе, можно сказать, повезло!

Особенно страшными были бои за Сталинград. В 1942 году моему папе было уже тридцать лет, не семнадцатилетний юнец, но и ему было очень страшно. На глазах погибали сотни молодых красивых парней. Холод пробирал до костей. Окоченевшие трупы погибших не успевали хоронить и складывали вдоль дорог, как поленницу дров. Потом эта ужасная поленница снилась ему часто-часто.

Вой снарядов, взрывы и справа и слева, настоящий ад, хотелось вжаться в землю так, чтобы ничего не видеть и не слышать. И вот тогда отец с чувством отчаянья подумал: «Боже! Если останусь жить – пусть у меня будут три дочери!». Он остался жив, прошёл с боями до Кенигсберга, были небольшие ранения, были и награды. Была большая ненависть к врагу и большая любовь к своей Родине. Эта любовь поднимала и вела в бой, давала силы вновь и вновь подниматься, и гнать врага со своей земли.

Отгремели бои. На Мамаевом кургане теперь тишина. Тысячи людей приходят и приезжают поклониться защитникам Сталинграда. Мой папа лежит в другой земле, далеко от своей малой родины, но, когда говорят и поют о волгоградской березке, я думаю об отце, детство

и юность которого прошли на Волге. В День Победы мы несем цветы к его скромному памятнику, цветы памяти о войне и отце, красные гвоздики. Мы – это три сестры, о которых он мечтал на войне, три девочки, которых он очень любил!

«Я был на войне не безусым юнцом...»

Я был на войне не безусым юнцом,
Ещё не женатым, и не был отцом.
Как все, с облегченьем сползал я в окоп,
Вжимался, вжимался всем телом в сугроб.

Ползёт страх липучий змеёй по спине.
И, кажется, мир полыхает в огне.
Но снова и снова под пули, вперед
В атаку сержант поднимает наш взвод.

Вокруг взрыв за взрывом – потерял слух.
Набатов в висках – не вернусь, не вернусь!
Увижу ли снова родимую мать,
Смогу ли её ещё раз я обнять?

Растёт груды тел на буром снегу.
Встаю в полный рост, и кричу, и бегу,
Стреляю – я врага победить. **должен**
Как хочется жить! Как хочется жить!

Будь милостив, Боже, прошу я тебя,
Родятся три дочери пусть у меня!
«Клянись, и так будет – послышалось мне,
«Останешься жить ты на этой войне».

Валерий Богусhev **г. Воронеж**

Последний подвиг Ивана Солодова

Ивану Солодову, который вырос на станции Графская, Воронежской области, было всего двадцать, когда началась Великая Отечественная война. Он только что закончил Киевское артиллерийское училище, получил звание младший лейтенант и назначение в часть, расположенную в городе Бердичев в 150 км на юго-запад от Киева. На вооружении батареи, которой он командовал, было три пушки.

«Ваня, когда был мальчиком, любил бороться. Рос крепким, широкоплечим, окончил семилетку в Графской с отличием и еще три года ездил на поезде в Воронеж за 40 с лишним километров, чтобы окончить 10 класс, – рассказывала Александра Арсентьевна Шугурова, одна из сестер Ивана. – Маленькая двухэтажная школа располагалась недалеко от Технологического института на спуске к реке. Мама каждый день давала Ване на дорогу 5 копеек, и он всегда на 2 копейки привозил мне какой-нибудь пирожок или конфеты.

В Первомайском парке, мимо которого лежал путь от вокзала в школу, располагался цирк шапито, и там часто выступал Иван Поддубный. Ваня его видел, даже подходил побеседовать, и тот обещал поучить приемам борьбы. Иван окончил на отлично десятилетку и задумал продолжить обучение в Киевском артиллерийском училище. Все три года мы каждый год приезжали к нему в Киев проведать.

22 июня 1941 года по радио объявили: война. От Вани никаких вестей. Было очень тревожно...»

Согласно военным хроникам, 7 июля 1941 года немецкие танки ворвались в Бердичев, а 8 июля город был занят полностью. Всю ночь батарея Ивана Солодова отстреливалась, пока не закончились снаряды, потом стреляли из пистолетов и винтовок, но закончились и патроны. Четверо оставшихся в живых красноармейцев попали в плен. Несколько немцев с автоматами дали им лопаты и велели рыть яму.

Иван своим тихо сказал:

– Следите за мной и делайте то, что я. Бежать к лесу «по-заячьи».

Когда дорыли до половины, Иван попросил:

– Курт, дай закурить, – хотя сам не курил никогда.

Немец понимающе улыбнулся, зажал автомат между колен и полез за папиросами. Русский офицер свалил его ударом лопаты по голове, перепрыгнул через яму и бросился к лесу. За ним побежали остальные. Двоих настигли пули, а Ване с товарищем удалось уйти от погони. Передвигались только ночью. В одной деревне постучали в избу, вышел дед. Обменяли у него военную форму на гражданскую одежду. Лесом три дня шли.

«...Мы сидим завтракаем, открывается дверь, входит Ваня с незнакомым парнем, оба в гражданской одежде, – продолжала воспоминания о брате Александра Арсентьевна. – Мать бросилась к ним...

В тот же вечер Ваня с товарищем отправился в Тамбов в военкомат. Там с ними разобрались, выдали форму и разрешили на один день съездить домой.

Вернулся в новой шинели. Сохранилась фотография, где он стоит с сестрой Фаиной и ее подругой, которая ему очень нравилась».

На следующее утро Иван уехал на фронт. И вскоре от него стали приходить письма. Его повысили в звании. Одна жительница Графской встретила его под Сталинградом, когда тот

возвращался с сибирского завода с колонной новых пушек. Она рассказала, что ему предлагали остаться на военном заводе, в тылу, но он не согласился.

Отец молодого офицера Арсентий Никанорович, хотя и не подлежал мобилизации по возрасту, тоже ушел на фронт – добровольцем. Попал в железнодорожные войска, прошел всю войну и встретил Победу в столице Австрии Вене.

Сохранилось письмо сына к отцу, датированное 20 декабря 1942 года, где есть такие строки:

«Здравствуй, дорогой мой папочка, шлю я тебе сыновский поцелуй и желаю дальнейших успехов в нашей общей победе над врагом... На фронте нахожусь с 1-го августа, уже пятый месяц пошел. Нахожусь на самом главном участке фронта, куда устремлены все взоры и все внимание, должен понять. Выдержал все напоры. Прошлый год хуже получилось, чем в этом. Командовать правительство доверило большим подразделением. Я принял это с честью и, думаю, оправдаю доверие. Награжден орденом „Красная Звезда“. Ну а в остальном все по-старому. Приезжай, папа ко мне, вместе воевать лучше будем... С гвардейским приветом и поздравляю с новым 43 годом».

А вот что написала о боевых делах Ивана Солодова фронтовая газета:

«Среди небольшого леса, покрытого первым инеем, расположены замаскированные орудия одного нашего артиллерийского подразделения. Это они своими мощными и точными огненными налетами наводят страх и ужас на немецких захватчиков.

Сейчас у орудий большое оживление, артиллеристы по данным разведки готовят фрицам очередную порцию советских «гостинцев».

Гвардейцы охвачены наступательным порывом, как и все воины нашего фронта.

Артиллеристы гвардии старшего лейтенанта Солодова И. А. своими боевыми действиями уже заслужили среди защитников Сталинграда широкую известность как мастера меткого огня...

Прибыв на огневую позицию, тов. Солодов организует связь со стрелковым подразделением и устанавливает тщательное наблюдение за противником.

Достаточно сообщить на батарее ориентиры, у которых появился противник, и батареи сразу накроют его смертоносным огнем.

Гвардии старшему лейтенанту Солодову стало известно, что из цеха №14 и №15 одного из заводов Сталинграда ведет огонь вражеская пушка, рядом строчит станковый пулемет.

Огонь противника не дает возможности нашей пехоте продвигаться вперед. Тов. Солодов выдвинулся на наблюдательный пункт, в район сосредоточения нашей пехоты, скорректировал огонь от хорошо пристрелянного репера, сосредоточил огонь к первому орудию и огневым налетом в 30 снарядов поднял в воздух вражескую пушку, станковый пулемет вместе с прислужкой.

Этим же налетом он уничтожил дзот противника.

Наше пехотное подразделение быстро заняло дом, закрепившись в нем, и продолжало теснить противника.

— Чтобы метко разить врага, говорит тов. Солодов, надо терпеливо за ним наблюдать, неустанно вести разведку...

О своих боевых делах он рассказывает весьма скромно...

За доблесть и мужество, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, старший лейтенант Солодов награжден орденом «Красной Звезды».

Представляет несомненный интерес написанный аккуратным почерком наградной лист, в котором перечислены боевые заслуги молодого офицера:

«В боях за социалистический город Сталинград, командуя и управляя артиллерийским огнем дивизиона, гвардии старший лейтенант Солодов неоднократно отбивал атаки пехоты

противника, вызывая огонь всего дивизиона на свой командный пункт, находящийся на правом берегу р. Волга. Например:

16.11.42 г. пехота противника атаковала командный пункт три раза и была отбита благодаря личному мужеству и отваге, выразившейся в открытии артогня на себя.

17.11. 42 г. пехота противника предприняла 5 атак, которые были отбиты с большими потерями для противника, а именно: рассеяно и уничтожено до двух взводов пехоты, уничтожено две минометных батареи и подавлен огонь артбатарей. Достоин правительственной награды ордена «Красное знамя».

Гвардии майор Кулак».

Согласно военным летописям, 19 ноября 1942 года началось историческое контрнаступление советских войск под Сталинградом. Войска Сталинградского (командующий А.И.Еременко), Донского (командующий К.К.Рокоссовский) и Юго-Западного (командующий Н.Ф.Ватутин) фронтов окружили 22 вражеские дивизии общей численностью 330 тыс. человек. В декабре на Среднем Дону были разгромлены итало-немецкие войска, пытавшиеся извне прорвать котел и помочь окруженным.

На завершающем этапе контрнаступления войска Донского фронта провели успешную операцию по ликвидации окруженной группировки врага. Командование 6-й германской армии во главе с генерал-фельдмаршалом Ф. Паулюсом сдалось в плен. Под Сталинградом армии фашистского блока потеряли до 1,5 млн. человек, четверть всех сил, действовавших тогда на Восточном фронте. Красная Армия потеряла более 2 млн. человек. Победа под Сталинградом сыграла важную роль в коренном переломе в Великой Отечественной и второй мировой войне.

Помимо ордена, Иван был награжден медалью «За оборону Сталинграда» и получил еще один «кубик» – стал гвардии капитаном.

После разгрома немцев под Сталинградом линия фронта откатилась на запад, и артиллерийский дивизион гвардии капитана Солодова оказался в непосредственной близости к старинному русскому городу Дмитровску, что на Орловщине. Немцы успели создать на подступах к городу мощный оборонительный рубеж.

Седьмого августа 1943 года дмитровцев разбудила артиллерийская канонада в южной части района. Битва за город длилась пять суток и с каждым днем принимала все более ожесточенный характер.

Гвардии капитан Солодов огнем своего дивизиона подавил огонь трех артбатарей противника, уничтожил 8 огневых точек, одну минометную батарею противника.

Следуя все время в боевых порядках пехоты, быстро реагировал на появляющиеся цели, огнем расчищая путь пехоте. Огнем уничтожил до 60 человек солдат и офицеров противника. За участие в прорыве обороны противника и взятии города Дмитровск наш земляк был награжден орденом Отечественной войны II степени

Осенью 1943 году дороги войны привели Ивана Солодова в Белоруссию. Командованием была поставлена задача выбить немцев из села Терюха Гомельской области. Он написал домой: «Мама, ты за меня не волнуйся, не переживай. Я здесь как штык. Сажу на прорыве. Погибну, но прорву...»

Как потом рассказывали местные жители, во время боя 4 октября, капитан Солодов, забравшись с биноклем на высокое дерево, корректировал огонь наших батарей сначала по немецкой артиллерии, затем по пехоте. Прицельным огнем был уничтожен вражеский дзот, устроенный в здании одной из местных церквей, сдерживавший атаку наших бойцов.

Отступая, немцы заметили «высотный» «командный пункт». Они послали лазутчика, который взорвал себя под деревом. Осколками гранаты Иван Солодов был ранен в живот и упал с дерева. Хозяева близлежащего дома перенесли смертельно раненого офицера, обеспечившего прорыв наших войск, в свое жилище, где он дожил только до рассвета.

Потом по адресу, найденному в кармане гимнастерки написали письмо в Графскую...

Через год после Победы родители Арсентий Никанорович и Евдокия Пантелеевна ездили в белорусское село на могилу сына.

В 1952 году Арсентий Никанорович посетил музей Оборона Москвы, где ему разыскали и дали почитать книгу Николая Крылова «Гвардия, рожденная в боях». В этой книге есть рассказ о навсегда оставшемся молодым гвардейце со станции Графская и интервью с ним незадолго перед последним боем...

К Графской вплотную подступает заповедный лес. Высокие сосны, устремленные кронами к небу, возможно, помнят Ивана Солодова. Помнит его и дом по улице генерала Лохматикова, где он вырос, откуда ушел на фронт.

О боевых подвигах тех, кто сражался за Родину, должны знать современники. Знать, гордиться, помнить...

Георгий Бойко г. Москва

Директива

Войны дороги по Смоленщине
Ведут в поля, что под Москвой...
И вот шестнадцать строчек женщине!
И треугольник фронтовой
Поэтом был отправлен в Чистополь
(там у него жена и дочь)...
Письмо дошло и вслух прочитано...

В землянке коротая ночь,
Писал он, что мечтает встретиться,
Что от любви ему тепло...
В простых словах о чувствах трепетных...
Ему так на сердце легло.
Писал не по заданию,
Не думал об издании...

Чуть позже встреча с композитором,
Не то чтоб вовсе невзначай...
Взгляд на поэта выразительный...
– Давай, Алёша, выручай!
Мне песню написать поручено...
Ты в жанре песенном ретив!
И предложение озвучено:
– С тебя слова, с меня мотив!

Какая может быть реакция?
Сказать собрату не в укор
– Гляди! Вокруг кипит редакция!
Я не поэт, я военкор!
На просьбу чересчур настырную
Завзятый будто бы игрок,
Он вынул картою козырную
Листок, на нём шестнадцать строк,
На первый взгляд не песенных...
– Дерзай! Промолвил весело...

Неделю композитор мучился!
Бумаги нотной вороха
Извёл...
Но в результате музыка

Легла на музыку стиха!
Да так легла, что ясно сразу же:
Всё получилось! Песня есть!
О перспективах самых радужных
Доходит до поэта весть,
Что песне этой, пусть не плановой,
Очаровать удастся всех,
А голос Лидии Руслановой
Надёжно закрепит успех...
В газетах ноты напечатаны,
Запела песню вся страна!
Поэту нет причин печалиться...
Вдруг оказалась – есть одна!
Пахнуло огненной геенною!
Меж прочих аббревиатур,
Жизнь отравляющих военную,
Словечко странное – «главпур»...

Прочли стихи под лупою,
И с директивой глупою:
– Напоминать бойцу не смей,
Что рядом притаилась смерть!

Итог: учтя заслуги прошлые,
(он в доску свой за столько лет),
Поэту дан совет непрошенный —
Переписать один куплет...
В ответ: стихи уродовать
Не стану даже пробовать!

– Ах так?! Своё ты ценишь «творчество»?!
Всей вашей братии среди
Найдётся кто-то посговорчивей...
У нас поэтов пруд пруди
Писать куплеты новые
С добротной основой...

Но с директивой близорукою
Цензуре-дуре невдогад,
Что песня эта станет мукою
Концертных фронтовых бригад...
Поют не то, что велено,
На практике проверено!

Бойцом на фронте честность ценится,
Всё остальное не в чести...
Придётся самозванным цензорам
Руками только развести!
Едва ли естество строптивное

Уразумееет голова
С невыполнимой директивою
Из песни выкинуть слова...

Какие всё же олухи
Все эти «идеологи»!

Ион Деген. Восемь строчек

*Мой товарищ, в смертельной агонии
Не зови понапрасну друзей.
Дай-ка лучшие согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.
Ты не плачь, не стони, ты не маленький,
Ты не ранен, ты просто убит.
Дай на память сниму с тебя валенки.
Нам ещё наступать предстоит.*
Ион Деген. Декабрь 1944 г.

Услышал и запомнил сразу...
Как результат и тут, и там
Вся эта вредная зараза...
Ищи-свищи по всем фронтам
Кто автор строчек неказистых!
Боль головная особистов!
Политруков зубная боль!
Таким поэтам счёт на тыщи!
Ну как среди них его отыщешь?!
А доложить наверх изволь!
Но если текст не видел даже,
Чего тогда начальству скажешь?!
Про телеграф беспроводной?!
Что восемь строчек безыскусных
Передаются только устно
У командиров за спиной?!
Что автор строк погиб, по слухам?!
Земля ему пусть будет пухом!
И дело надобно закрыть!
Не любо, стало быть, не слушай!
Прикинись, заложило уши!
Короче, поумерим прыть!
В достатке есть «Василий Тёркин»,
Хранят в кармане гимнастёрки
Слова молитвы – «Жди меня!»...
Притом особенно отрадно,
Что восемь строчек преотвратных
Забудут, не пройдёт и дня...
В стихах и песнях многократно
Иным представят подвиг ратный,
Всех очернителей кляня...

* * *

Пускай забвение пророчат!
А всё же в памяти должны

Остаться восемь честных строчек,
Вошедших в летопись войны!

Невидимый фронт

Шлёт донесение накануне —
Если не в мае, тогда в июне!
– Дезинформация, снова-здорово!
До рокового двадцать второго
Не достучаться к ним, не пробиться...
Слушать никто не желал «провидца»!
Двадцать второго вдруг стало ясно, —
Не доверяли ему напрасно...
Ну и теперь за промашку эту
Могут кого-то призвать к ответу!
Даром, что он отработал честно, —
Нужно ему поскорей исчезнуть,
Чтобы не вспомнили даже имя...
Лучше руками убрать чужими!
Прочь конспирации все основы! —
Консул советский в роли связного...
А самураи куда как зорко
Бдят, с кем общается этот Зорге...
– Что-то не ладно... – поймут немедля,
Туже и туже сжимают петлю...
Но напоследок, эфир пронзая,
В Центр шифрограммой от Рамзая —
Весть, что японцы в войну не вступят...
Воду толочь неуместно в ступе, —
Если источник разведал точно,
Двадцать дивизий дальневосточных
(Пусть на востоке фронт оголится!)
Мчатся на запад спасать столицу...
Но у Победы другие «отцы».
Сделано дело, и в воду концы...
Будет в июне двадцать второе,
Вспомним героя,
Вспомним героя!

Владимир Бордюгов Люберецкий р-н, Московская область

На Сталинградский фронт

*Памяти отца —
Дмитрия Е. Бордюгова*

Состав шёл медленно на запад,
Степь отдыхала от жары.
Лишь сполохи вдали да запах
Домов сгоревших и травы
Напоминали – фронт так близко...
В бессмертье катится вагон...
А тучи грозовые низко —
Шёл в неизбежность эшелон.

В дощатых стареньких вагонах,
Хоть ночь, почти никто не спал.
Курил старлей на перегонах,
Дремал якут... Сержант писал,
Что тишина здесь, как в Сибири,
И также жарко, ведь – июль,
Что, мол, проехал пол России,
Но слышал только звон кастрюль.
А ты – пиши, не беспокойся,
О детях помни, о родне,
Что скоро утро, и проснёмся —
Чайку` заварим в тишине...

...И поначалу еле слышны,
Шмелиным воем, всё сильнее,
Заходы «Мессеров» зависших,
Ответ зенитных батарей,
Разрывы, пламя, крики, стоны,
Команды, что нельзя понять...
Мгновенья, дни, недели, годы —
Всё сжалось! Как легко отнять
Всех, кого женщины взрастили,
Над кем ночами мать дрожит,
Кого мгновенно погубили,
Кому ещё бы жить да жить...

...И безвозвратные потери,
И похоронки шлются в тыл,

И горе вновь стучится в двери,
Без доброй вести мир постыл...

...Шрам от тяжёлого раненья,
Госпиталя, и вновь – на фронт.
Удачей жив – жди направленья...
Пройти всё... знать бы наперёд...

Я среди них. 1941

*Памяти Владимира Е. Бордюгова
1912—1941*

Я среди них, ещё не в форме,
В футболке белой, со значком...
Не думали о «хлебной норме»
Музейный Питер и Главком.

Ещё не мерил пульс обстрелов,
Сердец биенье метроном,
И засыпал дворец растрелльев
В руках атлантов, невесом.

Ещё работали фонтаны,
Самсон разверз у зверя пасть,
И кровь ещё не пролилась
Под Марса звучные фанфары...

Стою на «Невском пяточке» я,
Ещё в футболке, со значком...
В чехлах стволы, спит батарея,
И я со смертью не знаком...

Прохоровка

*«Мой товарищ, в смертельной агонии
Не зови понапрасну друзей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей...»*

Ион Деген

Кто прошёл
свой самый первый бой
И выжил, — *`как*
сам не даст ответа.
Догорал
гвардейский прорывной
Батальон
на перекрёстке лета.

Над бронёй
(пробитой «скорлупой»),
Остывая медленно
от пекла,
Вились вихри
в пляске огневой
Моего,
ещё живого,
пепла...

Старшине

Достал табачку, а вокруг – тишина.
Умолкла кукушка, лишь – эхо...
...Я струсил в бою, но прикрыл старшина
В то страшное жаркое лето.

Учили штыком бить да шашкой рубить,
А смерть шла грохочущим танком!
Не дал от позора мне заживо сгнить
И силу вернул, как подранку.

В статуте медальном заслуга не в счёт,
Что, в сущности, спас ты солдата
От пули своих же, больнее что бьёт
Эсэсовского автомата.

А после Смоленск был, Москва, вновь – Смоленск,
И первые наши медали,
Днепровской волны окровавленной всплеск
Мы ртами с тобою хватали.

Как долго мы шли, а за нами земля
В дыму зарастала крестами...
...Я – жив, над тобою винтовки палят,
Да каска обнята цветами.

На куцем обрывке простого сукна
О чём-то шептались медали.
Им звякнуть бы, крикнуть: «Вставай, старшина!
Но... голос они потеряли...

Повезло

Выпил много, считал – напьюсь,
Только зря всё, не захмелел.
Я вернулся домой, на Русь,
Повезло мне, лишь охромел.

Повезло, что под Курском «Тигр»
Недостаточно меток был,
Что кровавый Днепровский «пир»
Не накрыл меня, лишь умыл.

Повезло, что не я, – другой —
С пулей на`сквозь дорогой в ад —
Тот, что пленом зовут. Другой
Изогнёшься... и смерти рад.

Повезло мне, что лишь меня
Оттолкнуло взрывной волной,
А того, у кого семья,
Смерть аукнула за спиной.

Не вини меня, мать, жена,
Что принёс... да не ту я весть.
Я бы принял ещё огня,
Чтоб не видеть их слёз вовек.

За Победу, за нас, за Русь! —
Выпить каждый из нас хотел...
Выпил много, считал – напьюсь,
Только зря всё, не захмелел.

Мы помним

Есть место, где спокойствие навечно,
Лишь шелест листьев, светоч образов,
Да гомон птичьих стай звучит беспечно,
И слабый звук замедленных шагов.

Здесь испытаеть странность ощущения:
Тоску о том, что было и ушло,
И чувство близких душ соединенья,
Живых и тех, что время унесло.

Здесь прошлого слышны порывы, ветры,
Здесь хочешь встать, поклясться, замереть,
Сказать: «Мы здесь! Нас разделяют метры,
Мы рядом, чтобы души ваши греть».

Мы помним потому, что просто... помним.
Приходим не для отпущения грехов.
Мы вашим духом души здесь наполним,
Но неоплатных не вернуть долгов.

От вереницы туй, зелёных вечно,
Ложатся мягко тени на гранит...
И гомон птичий слышится беспечный,
И чёрный камень память, скорбь хранит.

Виктор Брылов

г. Видное, Московская область

Красные флаги

Опять Сергей скандалил с мастером:

– Я не буду больше здесь работать! Все руки порвал. Хочу туфли шить, как дядя Филипп, он меня к себе берет. У меня на туфли способности, вы же знаете... А валенки подшивать я не буду больше... Вы же обещали.

– Да, обещал, и я сдержу слово. Но сейчас, видишь, какие морозы стоят, фронту зимняя обувь нужна. Бригаде нашей их полвагона отремонтировать надо. Посмотри, Павел работает, а руки у него не здоровее твоих, да еще и осколком фашистским пораненные, —оправдывался мастер перед молодым сапожником.

– Все равно я не буду больше здесь работать, —упрямо твердил Сергей, и сел за верстак, перед которым висел яркий плакат: женщины-работницы изготавливают снаряды, внизу призыв «Все для фронта, все для победы! «Сергей смотрел на этот плакат, как на что-то уже привычное... И вот сейчас он уставился на этот плакат, и вспомнил дни, когда он ещё не работал в артели, вспомнил, как дома на столе дымились щи из кислой капусты, забеленные молоком, и мать, боясь уронить хотя бы крошку, разрезала на равные части горбушку черного хлеба. Сергей сидел рядом с пятилетним братишкой, который в правой руке держал деревянную ложку, а левую протягивал матери, ожидая свою порцию хлеба. Сергей же терпеливо ждал, когда мать сама положит около него небольшой кусочек, которого не хватало даже, чтобы доесть щи. Потом они ели чуть забеленную молоком картошку, но уже без хлеба. О хлебе все время думалось... А Витька Дорофеев показывал всем ребятам только что полученную продуктовую карточку, ведь он работал в артели, и ему доставалось хлеба, конечно, больше, чем Сергею, как иждивенцу. И вот теперь Сергей работает во фронтовой бригаде Павла – старшего брата Витьки, и тоже получает рабочую, хлебную карточку. Сергей работал проворно и аккуратно, потому и приглянулся старику-туфельщику.

Успокоившись, Сергей поднял с пола серый валяный сапог, осмотрел его кругом, и, пощупав толщину подошвы, начал подбирать к нему пару. Подошвы выкраивались из негодных для ремонта валенок. Взяв сапог и зажав его между колен, Сергей принялся править об оселок сапожный нож. Правил его он медленно, представляя мысленно, что именно в этих валенках какой-нибудь боец ходил по завьюженным дорогам, кидался в атаку и, очевидно не раз, по ним было видно. Вот сейчас Сергей положит на подошвы валенок хорошие стельки, пришьет их, и кто-то из воинов пойдет в них в бой. И будут другие бойцы бежать за своим командиром и за знаменосцем, и над их головой будет развеваться красное полковое знамя. С этими мыслями Сергей ловко полоснул острым ножом, зажатый между колен серый валенок, который развернулся и стал вдруг красным флагом. Пропитанный изнутри алой кровью, не успевшей ещё потемнеть, валенок напоминал красный флаг. Сергей замер, сердце его зашлось. В это мгновение крикнуть бы, но рука только крепче сжала нож. На другой день мастер привел новичка, и ему, Сергею, разрешили перейти к Филиппу-туфельщику. Сергей, на удивление мастера, наотрез отказался. Перед его глазами ярко горели половинки разрезанного, окровавленного валенка, которые казались ему красными флагами.

Топлёное молоко

До отхода поезда оставались считанные минуты. Я вошел в вагон, отыскал свое место. Рассовав вещи по полкам, поудобнее уселся, и на душе стало как-то покойно и даже радостно. Наконец-то я еду на родину. Напротив меня сидела женщина, ее по-крестьянски красивое лицо излучало улыбку и любопытство. Смутившись от такого пристального внимания к себе, я хотел отвернуться к окну, но в эту минуту в купе вошел мужчина и сел рядом с моей незнакомкой. Он был высок, приятен. На висках седина, глаза живые, веселые. С женщиной он был трогательно нежен. В их отношениях было столько взаимного тепла, что меня потянуло к ним, и мне показалось, что я когда-то уже видел их лица. Но вот где и когда? Я стал напрягать свою память, и, видимо, на моем лице отразилось это напряжение. И тогда моя попутчица, глядя на меня смеющимися глазами, в упор спросила:

– Вы, случайно, не до Приокской едете?

– Да, – издав вздох облегчения, ответил я. – И вас Валентином зовут?

– А вас Катенькой? – воскликнул я, сам того не ожидая. Тут уж и я заулыбался, потому что сразу вспомнил Катю. И хотя я знал ее девочкой, а сейчас передо мной сидела взрослая женщина, интонации голоса и неувимые жесты сразу воскресили в моей памяти мою школьную подругу. Воспоминания одно за другим накатились на нас...

– Помнишь, как вы с ребятами после уроков за елкой ездили в лес, и ты палец отморозил?

– Я тогда варежку потерял, а она из белой шерсти была, сливалась со снегом, и пришлось её на ощупь искать, а уже темнело, когда мы с елкой к городу приближались, – выпалил я с мальчишеским задором. В эти минуты мне показалось, что мы – беспечные школьники. Но сколько тягот и забот обрушилось на нас в военные годы! Разве забудешь зашторенные окна класса, чернила из сажи, газетные обрывки вместо тетрадей? А после уроков оставались на сбор отряда. Особенно любили мы репетиции хора и инсценировки из военной жизни. И тут же всплыл образ нашего классного руководителя Софьи Яновны. Была она привлекательна, и ее обаяния хватало на всех, так что с занятий никто не убежал. Мы, мальчишки, тянулись к ней, как к матери, а о девчонках и говорить нечего. Строгость и доброта сливались в ней воедино, и мы, незаметно для самих себя, впитывали ценные, порой суровые, жизненные напутствия.

– Помнишь, Катенька, как мы готовились пойти в госпиталь к раненым с концертом? И ты первая сказала, что хорошо бы раненым молока топленого с пенками принести?

– Да я что-то уж и не помню. – И она смущенно поглядела на своего спутника. Тот нежно взял ее руку.

– Ты, Катенька, конечно, ты.

– Валь, а помнишь, как мы пришли в госпиталь? Вы, мальчишки, – в белых рубашках и красных галстуках, пели военные песни и читали стихи, а мы, девчонки, – в белоснежных халатах стояли в сторонке с четвертями топленого молока и с нетерпением ждали конца представления.

Раненые, которые не могли встать с кроватей, и те, кого принесли на носилках из других палат, подзывали нас к себе и пожимали нам руки. А когда мы пели, лица у всех были ласково-суровые, но в глазах отражалась радость. А потом нам долго аплодировали. От волнения и радости глаза наши сияли и были влажны от слез. После концерта Софья Яновна сказала:

– А теперь угощаем всех! Мы стали разливать молоко по стаканам и угощать воинов. И все дружно выпили... за победу! Когда мы с Катей обменивались воспоминаниями, мужчина с умилением смотрел на нас, как на детей.

– Кать, а помнишь, как мы навещали умирающего?

– Помню, как не помнить, – и она лукаво и в тоже время нежно посмотрела на своего спутника.

– Как мне его было жаль! Он такой молоденький был. И от молока-то он тогда отказался. Увидел, что мы чуть не плачем, нас стал подбадривать... Я слышал, ты потом ходила дежурить в госпиталь?

– Да...

– А тот... долго еще жил? – робко спросил я. – Ты его видела?

– А как же, видела, видела... и молоко топленое он у меня пил. – И озорно улыбаясь, добавила:

– Вот уже около тридцати лет смотрю на него... узнаешь? И она обняла сидящего рядом мужчину...

Георгий Бурцев г. Москва

Миронов и Дуся

В стрелковой роте его считали странным, а во взводе и вовсе долго называли блаженным, до того дня, когда политрук под видом своего дня рождения налил ему стакан водки. Миронов был после наряда и очень скоро уснул прямо за столом. Политрук обшарил его карманы и вещмешок. Нашел записную книжку. В ней короткое стихотворение.

Здесь же были и две фотокарточки. Миронов с женой. На отдельной – он с девочкой подростком

Алексей женился сразу после срочной службы в начале тридцатых. Жена умерла при родах. Девочку называли Дусей. Алексей души не чаял в дочке. Но после смерти жены оставил ребёнка на попечение своих родителей и ушел добровольцем на Халхин-Гол. Потом был недолгий период пребывания рядом с дочкой. Затем случился Маннергейм. Теперь вот – Гитлер.

Миронов вечно что-то мурлыкал, напевая себе под нос. Иногда можно было наблюдать необъяснимую улыбку на его лице. Впрочем, письма он получал чаще всех и в основном, написанные детской рукой его несравненной Дуси.

На фронт Алексей попал не сразу. Не отпускали его. На заводе ценили, дали бронь как специалисту, к тому же знали: вдовец, да ещё с ребёнком. Да и родители отговаривали: хватит, навоевался. Однако, как только пошёл Гитлер он сразу же начал проситься на фронт. Всякий раз ему давали от ворот поворот. Но потом махнули рукой и дали предписание явиться по месту формирования резерва. Поэтому в роту он попал в аккурат только ко Ржеву, осенью сорок второго.

Обстановка тогда менялась по несколько раз в день. Рота закрепилась на коротком участке лесной дороги. Соорудили три дзота и блиндаж. Соединили их траншеей. Но тут вдруг неожиданно поступил новый приказ: оставить эту позицию и перейти на другую. Впрочем, до прихода другого подразделения, решено было оставить здесь Миронова с пулемётом и противотанковым ружьём – на всякий случай. Во взводе их всего было два: однозарядное Дегтярёва и пятизарядное Симонова. Ему оставили первое. Пулемёт Дегтярёва Алексей знал хорошо и стрелял отменно. А вот с противотанковым ружьём – ПТРД41 – дело обстояло иначе. Точнее, этот вид вооружения ему держать в руках ещё не доводилось. Правда, командир взвода проинструктировал его подробно, а на прощанье сказал: «Там, в ящике есть печатная инструкция, так что можешь ещё почитать на досуге для закрепления материала. Хотя сомнительно, чтобы здесь появились танки. В общем, не пропадёшь. Через пару дней встретимся. Бывай».

Ночь прошла относительно спокойно, лишь доносились до него залпы и взрывы. А под утро Алексей услышал мотоциклетный треск. Прислушался. Доносился он не из тыла. А через несколько секунд увидел: прямо на него, один за другим, шли три мотоцикла с немцами. Видимо разведгруппа, сообразил Миронов. Он сначала было припал к пулемёту, но через секунду принял решение не мелочиться. Потянул к себе противотанковое ружьё, помня инструкцию комвзвода, зарядил, прицелился и шарахнул по головному мотоциклу. Тот подпрыгнул и, сделав кульбит, замер грудой искорёженного металла, подмяв под себя седоков. Чтобы не терять время на перезарядку Миронов, быстро пересев за пулемёт, расправился с двумя остальными мотоциклами, так что в обратном направлении, восвояси успел убраться один солдат. Поэтому Миронов не удивился, когда через полчаса показалась цепь автоматчиков. Когда первые десять-пятнадцать немцев полегли, Миронов увидел, что его пытаются

обойти. Он перебежал по траншее в другой дзот и оттуда повёл огонь. Вскоре и эта атака была отбита. Через какое-то время ему пришлось бежать в правый дзот, так как нависла новая угроза обхода. И эта группа немцев полегла среди деревьев. Потом – опять на левый фланг позиции, вновь – направо. Потом – в центр. Опять – налево. Так всё утро он и мотался с одного фланга на другой, создавая у немцев ложное представление, что на противостоящей к ним позиции находится как минимум один упорный и отважный взвод красноармейцев. В полдень в небе показались «мессершмитты». Когда через час Алексей выбрался из-под земли и остатков дзота, он не узнал обстановку. Едва переведя дух, и кое-как приведя позицию в положение пригодное к бою, он с ужасом услышал шум приближающегося танка. Судорожно отыскал противотанковое ружьё. Проверил готовность. И едва успев залечь наизготовку, увидел это мерзкое железное чудовище уже в сотне шагов от себя. Он успел сделать выстрел. Только один. И опять удача. Танк забуксовал на перебитой гусенице и кособоко замер. Из него выбрался экипаж и, отстреливаясь, ретировался. Но Миронову и тут повезло. Немцы ушли, не причинив ему вреда.

Однако, не прошло и полчаса, как на дороге показался грузовик с автоматчиками. Мионов дал выстрел из ПТРД. Машина ехала хоть и не быстро, но остановилась так резко, что из кузова медленно вываливались ошалевшие солдаты, и кое-как сориентировавшись, повели огонь в сторону Миронова. И снова ему пришлось бегать из одного дзота в другой, имитируя мощное укрепление.

Вечерело. Пошёл дождь. Оставшиеся живыми немцы ушли. Мионов привёл в порядок блиндаж. Умылся. Переоделся. Перекусил оставленными ему консервами. Свернул самокрутку с самосадом. На солдатский ватник, накинул плащ-палатку и выглянул наружу. Стемнело. Дождь прекратился. На небе выпали звезды. Алексей, присев на пенёк, чиркнул спичкой, закурил. Вздохнул.

– Где ж ты моя, Дуся-дорогуся? – Пробормотал он. – Как ты там без меня? О-хо-хо... – Он с наслаждением сделал затяжку, потом ещё...

С рассветом немцы возобновили атаку. Но к своему удивлению не встретили никакого сопротивления. Рота солдат облазила всю позицию, и не обнаружила ни единого русского, кроме окоченевшего военнослужащего с пулевым ранением в голову от снайперского выстрела. Через час на позицию прибыл немецкий генерал.

– Куда же делись обороняющиеся? – С удивлением спросил генерал у офицера.

– Судя по всему, господин генерал, здесь был всего один солдат. Следов других нет.

– Он был один... Это невероятно... И какие же он нанёс нам потери?

– Господин генерал, этот сталинский фанатик подбил танк, уничтожил мотоцикл, вывел из строя грузовик и убил больше сотни солдат. Так же есть предположение, что это он из своего поганого, ручного орудия сбил самолёт. Как прикажете поступить с этой скотиной?

– Сначала захоронить всех наших. А этого... Этого тоже похоронить... Индивидуально.

– Господин генерал, это сталинская фанатичная обезьяна... Животное... Русская свинья... Собака... Вот его документы.

– Это солдат, обер-лейтенант. Вот. Посмотрите. Солдат Алексей Мионов!

– Вы читаете по-русски?

– Ну, это не самая большая сложность на земле. В первую мировую я был на русском фронте. Угодил в плен. Некоторое время провёл в России. Познакомился со многими русскими. На обезьян они совсем не похожи. И этот солдат не обезьяна. И уж тем более никакая это не свинья. Нормальный и даже хороший солдат... Если бы у вас была сотня таких рядовых, я не пожалел бы для вас вне очереди звания майора. А вот и фото, поглядите! Это, наверное, его семья... Жена... Дочка... У свиней и обезьян такого не увидишь... И не о Сталине он думал – о дочке. Он очень хороший русский солдат... Если бы у меня были бы такие солдаты, я был бы фельдмаршалом. Похоронить с почестью.

- Господин генерал, это невозможно, он убийца наших солдат.
- Похоронить как героя.
- Господин генерал, он не офицер.
- Все мы солдаты, и генералы, и рядовые.
- Господин генерал, он...
- С каменным надгробьем и с салютом. Выполняйте. О готовности доложите. Я проверю.
- Слушаюсь!

Закончилась война. Прошло ещё пятнадцать лет. Однажды летом дети из пионерского лагеря гуляли по лесу и набрали на немецкое захоронение с множеством крестов. А чуть поодаль они обнаружили очень странную могилу, тоже заросшую травой и кустарником, но добротной устроенной. Надпись была сделана на немецком языке; но, как ни странно, гласила она о том, что захоронен здесь был русский солдат Алексей Миронов. Пионеры сообщили о находке старшей пионервожатой. Та – директору. Через несколько дней информация поступила в местный военкомат. Тогдашний районный военком не остался равнодушным, заинтересовался пионерской находкой, побывал на месте и взялся за собственное расследование. Однако, скоро только сказка сказывается, да не скоро дело делается. Следствие затянулось настолько, что дело принял уже новый военком. Следом за ним был очередной сменщик. Потом – другой... Третий... Четвёртый... Пятый... Один из них проводил эксгумацию. Другой наводил справки. Следующий уже пытался выхлопотать посмертную награду Миронову. Пятый или шестой продолжил дело предшественника. Многие подтверждались данными из архивов. Однако, наградить посмертно солдата Алексея Миронова не решился никто из тех, от кого это конкретно зависело. Уж больно надпись на немецком языке многим не нравилась. Впрочем, о наградах сам Алексей и не помышлял. На уме у него была одна лишь Дуся-дорогуся. А коли нет награды, то и не говорили о нём по радио и не писали статей. Поэтому и Дусю-дорогусю никто не искал.

Дочка, Дуся-дорогуся,
Я с победой вернусь
Будь уверенной. И пусть
Нас с тобой покинет грусть
Так что ты не очень хмурься,
И тем более не дуйся.
Слушай деда и бабуся,
Лапка, лапочка, лапуся,
Дорогая моя Дуся.

Стихи для детей

Майский парад

Растревожен город мирно
Звуком утренней трубы.
Замирают в стойке «смирно»
Клёны, ели и дубы.
И несёмся мы – мальчишки
К прутьям крашенных оград.
Знаем мы не понаслышке —
Нынче праздничный парад.
Отворяются ворота.
Твёрдо полк чеканит шаг.
Блещет в марше позолота.
Пламенеет с гербом стяг.
Жизнь солдат – бои и дали,
Порох, дым, потеря полна.
На груди одних – медали,
У отдельных – ордена.
Бьётся сердце у мальчишек.
Светел в мае город наш.
И витает выше крыши
Медных труб победный марш!
«В солнечный май не забывай,
Что совершили деды.
Это наш май.
Праздничный май.
Это наш день Победы!»

Пионерские костры

На верхушках сосен
Отблески заката.
Рассекает небо самолёт.
Белая полоска
Тянется куда-то,
Будто бы из прошлого вперёд.
Вздымаются искры
В подлунные выси.
Мы все у огня наравне и просты
Мечтания чисты,
А взоры лучисты...
Горят пионерские летом костры.
Завещали деды
Знатное наследство
Родины за множество веков.
Громкие победы
Помнили мы с детства

Лётчиков, танкистов, моряков.
Солнце за горою.
Звёзды над рекою.
В полусне нахохлились грачи.
О судьбе и чести
Распеваем вместе
Песни пионерские в ночи.

Был месяц май

Как-то раз в трамвае тесном
Ехал с мамой паренёк.
Уступая своё место
Ветерану, он изрёк:
«Нет от них покоя вечно.
Не пройти из ряда в ряд.
Не ложится им на печке.
Лезть повсюду норовят».
В тон ему его маманя
Говорит: «Беда. Когда
Их совсем уже не станет?
Чтоб им сгинуть без следа!»
Рядом ехали ребята
На экскурсию в музей:
Константин, Богдан и Злата,
Самый старший – Алексей.
Он-то и сказал: «Не троньте
Славу их. Она светла.
Моя бабушка на фронте
Санитаркою была.
Оба борта у жакета
Словно броник из наград.
Что ж, прикажете, за это
Бабку сбегать в интернат?»
Не сдержался тут и Костя:
«А у нас в роду большом
Прадед был торпедоносцем.
Дед – радистом и стрелком.
И в обнимку с пулемётом,
Сидя задом наперёд,
Сбитым вражьи самолётам
Он открыл немалый счёт».
Скромно, и не громко даже
В разговор вступил Богдан:
«А мой дедушка отважный
Белорусский партизан.
И когда я стану старше
Не забуду я о том.
Буду петь в строю на марше
Про победы над врагом».

Тут сказала крошка Злата:
«Много всяческих наград
Есть у дедушки солдата,
А он просит автомат».
Задрожал салон от смеха.
Мчал по улицам трамвай.
Каждый в нём куда-то ехал,
А вокруг был месяц май.

Железные солдаты

На далёких полустанках, —
Их не всякий видит взгляд, —
Молчаливо и устало
В тупиках они стоят.
Не цепляют пассажиры
К ним букетики из роз.
А название той машины
Всем известно – паровоз!
Мчал по рельсам очень быстро
Он, победой одержим.
Из трубы летели искры,
И валил с гудками дым...
Миномёты, танки, пушки...
На отдельных из платформ
Очень грозные «Катюши»
Мчались некогда на фронт.
А оттуда, из санбатов
Фронтовых госпиталей,
Возвращались в жизнь солдаты
С окровавленных полей.
Все они теперь старушки
И деды под сотню лет...
Кто в коляске, кто-то с клюшкой...
А кого и вовсе нет...
Как железные останки
Давней силы боевой.
На далёком полустанке
Полосы прифронтовой.

Письмо в 41-й

(без вести пропавшему солдату)

Где-то, где-то... Той огненной осенью
Ты пропал в сорок первом году...
И тогда же черёмуха бросила
Зацветать в нашем старом саду.
А в комод, под старенькой скатертью

Треугольников целый завал...
Эти письма твои нашей матери
Всю войну за тебя я писал.
Ты б сейчас в ветеранском-то звании
Восседал в орденах боевых,
Ведь в погибших ты вроде не значишься,
Хоть и нет в перекличке живых.
А за полем, за черною пашнею
Сединою покрылась верба.
Младший сын твой, —
Братишка мой младшенький, —
Стал, батяня, постарше тебя
Я брожу над чужими могилами.
На гранитные плиты кладу
Георгины, тюльпаны и лилии,
Что в твоём распустились саду.
Может где-то, в каком-то селении
Есть похожее в чьей-то судьбе...
По душевному, просто, велению
Кто-то так же придёт и к тебе.

Георгий Гардин г. Москва

22 Июня

Двадцать второго июня
Бушует в душе непогода,
Прошлой войны накануне
Встаю на рассвете все годы...

Память о грозных событиях
Всегда бередит моё сердце,
Связан я огненной нитью
Со всеми, чей подвиг бессмертен!

Небо без всполохов грозных,
Не слышно гремящих разрывов,
Высотки тянутся к звёздам...
Как тихо в бескрайних массивах!..

Но в это раннее утро,
В чудовищный год сорок первый
Жизнь оборвалась как будто —
Мирный покой был прерван.

Дед мой служил в Перемышле —
В отряде на самой границе...
В бой пограничники вышли
С ордой обезумевших фрицев

Бойцы, что сражались отважно,
Погибли, страну защищая!
Вера жила в сердце каждом —
Наступит 9 мая!..

Встали советские люди
За счастье любимой Отчизны!
Мы никогда не забудем
Отдавших в сражениях жизни!..

Помним бесстрашных воинов
И стойких работников тыла!
Будем героев достойны —
Их доблесть нам жизнь подарила!..
Стремительно время проходит...

Земля всё приводит в порядок...
На утреннем небосводе
Грохочет грозы канонада...

Ветераны

В необъятные дали уходим —
И вы смотрите долго нам вслед.
По велению сердца и воли
В звёздный мы обращаемся свет...

Облачаясь в гранит монументов,
Убываем в небесный запас,
В глубину тишины предрассветной,
К ветеранам, оставившим нас...

Выше знамя Великой Победы,
Твёрже шаг, боевые друзья!
Защищайте России рассветы,
Как и нам, отступить вам нельзя!

Мы возносим пред Богом молитвы
За величие нашей страны,
Чтобы вы в героических битвах
Делу правому были верны!

Уходя, навсегда остаёмся
На просторах родимой Земли,
Нас окликнете — мы отзовёмся
Пеньем струн древнерусских былин...

Знаем: вы не забудете песни,
Что ковались в кровавом бою,
И в Бессмертном полку с вами вместе
Будем вечно в едином строю!

Граница. 1941 год

Вот хлётко прозвучал приказ:
«Застава, к бою!»
И задрожал столетний вяз
Своей листвою...

В Державы золотой простор
Ворвался вермахт,
Враг был коварен и матёр —
Исчадьё рейха!..

От взрывов бор был оглушён,
Заря чуть тлела,
Блокгауз наш был окружён —
Такое дело!..

Кричали немцы нам сквозь дым:
«Иван, сдаффайся!»
А мы ответствовали им:
«Фашисты – шайсе!»¹

Отстрекотался пулемёт —
Войны кузнечик,
Ломились танки их вперёд,
Рассвет калеча.
Все пограничники-друзья
Стояли насмерть,
И в вихрях огненных звеня,
Сердца их гасли.

Патронов нет уж и гранат —
Мы в штыковую —
За Кострому и Ленинград,
Страну родную!

Граница доблестной страны
Не терпит слабых,
Присяге были мы верны,
Пав смертью храбрых.

И вздрогнул в жгучий тот предел
Утёс над Волгой,
И лес сибирский прогудел
Тревожно, долго...

¹ die Scheiße дерьмо (нем.) –

Вяз поклонился до земли,
От горя чёрный.
«Бойцы в бессмертие ушли —
Их подвиг помним!»

Брестская крепость

Я пришёл к тебе, Брестская крепость,
Поклониться до самой земли
Тем советским ребятам, что в вечность
В сорок первом отсюда ушли.
Открываю страницы бывшего,
Здесь – начало той страшной войны...
Утро раннее двадцать второго —
Птички трели пока что слышны.
Но нависли над Западным Бугом
Чёрно-пепельные облака,
Разыгралась свинцовая выюга,
И обрушился огненный шквал.
Бились яростно наши солдаты,
Защищая родную страну,
От фашистской безумной армады,
Разорвавшей в тот день тишину...
Не сгибались и насмерть стояли —
Ведь Победа в их сердце жила!..
А над ними тревожно мерцали
Звёзды неба и звёзды Кремля.
Бой святой ни на миг не стихает,
Но отважный герой не сражён!
И пусть знает стервятников стая:
С ним Отечество мы сбережём!!!
Он теперь – изваянье из камня,
Наш с тобой охраняет покой,
Развевается Красное знамя
И горит негасимый огонь!
Как бойца легендарного имя?
Кто он – русский, казах, белорус?
Его светлое имя – Россия,
Наш великий Советский Союз!!!

Александр Голозубов г. Нижневартовск

Возвращение сына с войны

В белой роще пела птица,
В мае ночь была тепла.
Сладко спит уже станица,
Над землёй луна взошла.

Лишь в одной избе не спится,
Свет струится вдоль стены,
Мама ждёт, что возвратится
Сын единственный с войны.

Сон приснился ей однажды,
Как пошёл в атаку он,
Но под Курском пал отважно
Весь пехотный батальон...

Тихо молится старуха
Пред иконой в поздний час,
Каплют слёзы на пол глухо,
Из печальных женских глаз.

Режет сердце боль тупая,
– Где ты Коленька родной?
Бабья доля не простая —
Сына ждать с войны домой.

Вдруг! Сквозь слёзы Валентина
Стук слышала в окне.
– Мама! Мама! – Голос сына!
– Я, живой! Откройте мне!

Рассказ солдата

Ушла война. Чего от жизни ждать?
Я оказался в жутком переулке.
Здесь проживала раньше моя мать
И малышом качала меня в люльке.
Своё село я сразу не узнал:
Вокруг стоят одни печные трубы.
Фашист при отступлении сжигал
Хлеба полей и хуторские клубы.

Вот, наконец, нашёл родимый дом.
Он был сожжён карателем нацистским.
Нет мамы здесь, и давит в горле ком,
И плачет сердце по друзьям и близким.

Кружится чёрной стаей вороньё,
Ещё над свежей братскою могилой.
Теперь навечно там у них жильё:
Детей, жены и мамы моей милой.

Но кто вернёт мне прежнюю семью?
Кто дом вернёт, где дружно песни пели?
Боль давит грудь, я слёзы горько лью,
Упав перед могилой на колени.

Александр Заблоцкий г. Москва

Длинный день 20 августа 1945 года

Сегодняшний день был длинным: утром завтракали, потом ходили в лес за хворостом, потом в магазин за хлебом, потом готовили обед и обедали, а после обеда Людмила отказалась идти спать, и тётя Тоня читала ей книжку про Буратино.

Сейчас Людмила сидела за столом, качала ножкой и на полдник ела белый хлеб, запивая его молоком. Тётя Тоня сидела за столом напротив и сердилась, обхватив ладонями стакан с жидким остывающим чаем.

– Ну что за неслух, – ворчала она. – Сколько надо говорить, чтобы сидела за едой смирно. А тебе – как об стенку горох. Так и егозишь, так и егозишь.

Людмила еле сдерживала улыбку: она знала, что тётя Тоня сердится не по правде, а понарошку, и сейчас начнётся интересное. В самом деле, поворчав ещё, тётя Тоня начала:

И обе рассмеялись, а Людмила села прямо, как струнка, и спокойно. Она любила тётю Тоню – жену папиного брата дяди Кости. Папа был герой: уже на второй день войны он ушёл добровольцем в военкомат, а оттуда – на фронт. А через неделю мобилизовали маму, она работала врачом в санатории и была военнообязанной, и тоже героем. А ещё через несколько дней мобилизовали дядю Костю. Людмила осталась в доме с тетей Тоней и братом Вовкой. Год назад тому исполнилось восемнадцать и его тоже загребли на фронт. Именно «загребли», а не мобилизовали. Так говорила тётя Тоня, но когда Людмила сказала как-то двоюродной сестре Галке взрослым голосом: «Вот уж и мальчонку загребли, не пожалели», тётя Тоня почему-то испугалась и крикнула на неё: «Что говоришь-то? Не загребли, а мобилизовали Родину защищать!». Но Людмила запомнила и, играя с куклой Машей, рассказывала ей: «Папу, маму и дядю Костю мобилизовали Родину защищать, а Вовку на фронт загребли, мальчонку».

Людмила часто вспоминала Вовку... Как он щекотал и будил её по воскресеньям, как тайне от тёти Тони угощал её изюмом, который приносил из пекарни, где он работал. Когда тётя Тоня в первый раз увидела это, она отобрала изюм и выбросила его в помойную яму, сказавши: «Чтоб я этого больше не видела!». Она больше и не видела.

А маму и папу Людмила не помнила. Правда, тётя Тоня часто вынимала довоенные фотографии и, показывая их Людмилке, говорила: «Смотри, смотри какие они у тебя красивые».

Людмила была теперь самой богатой в посёлке (так говорили ей её двоюродные сёстры Галка и Валя), потому что мама её была офицером Красной Армии, капитаном медицинской службы, и присылала ей аттестат. Получив аттестат, тётя Тоня надевала свою самую лучшую кофту и уезжала куда-то почти на целый день, а к вечеру привозила Людмилке много чего вкусного.

И сейчас Людмила ела белый хлеб с вкусной хрустящей корочкой, совсем не такой, который по средам и субботам привозил в магазин около керосиновой лавки дядя Егор. С раннего утра мальчишки и девочки дежурили на шоссе, выглядывая, когда появится запряжённая в повозку рыжая Зорька и «водитель кобылы» (так называл себя дядя Егор), и, увидев их, бежали к матерям к магазину с криками: «Едет! Едет!». Запах свежего хлеба разносился по всему посёлку. Подъехав к магазину, дядя Егор, стуча по полу тёмной деревяшкой, похожей на перевернутую бутылку и заменявшей ему ногу, носил в магазин лотки с буханками чер-

ного хлеба, а потом усаживался на телегу и сворачивал «цигарку» – кулёк из газетной бумаги, наполненный махоркой.

Продавщица тетя Зина, поставив на одну чашку весов набор гирек, резала большим и страшным ножом буханки, кромсала довески, доводя чашки весов до равновесия, и сметала крошки в лоток, стоявший под столом.

Пока матери получали хлеб, дети обступали дядю Егора, и кто-то смелый спрашивал: «Дядя Егор, а где твоя нога?». А дядя Егор с расстановкой отвечал всегда одно и то же: «Потерял на гражданской... вот...».

Людмилке очень хотелось найти потерянную ногу дяди Егора. Тем более, что она знала, где он потерял её: на Гражданской улице в конце посёлка. Даже сегодня, когда они с тётей Тоней ходили в лес за хворостом, и проходили по Гражданской, она отбежала от тёти Тони, осмотрела всю канаву, идущую вдоль улицы, и поворошила палкой кучу мусора на углу, на что тётя Тоня заворчала: «Ну что тебя всё в грязь тянет? Не отмоешь тебя, а мыло-то – по карточкам». Ноги дяди Егора не было, и Людмила как всегда подумала, что ногу унесли в лес волки, но надежды найти её в другой раз не потеряла.

Хворост был нужен для растопки печки, и, помогая тете Тоне, Людмила спросила:

– А хворост, потому что эти ветки больные, хворые?

– Ну да, – согласилась тётя Тоня. – Здоровые ветки не ломай, пусть растут.

– Значит, всех больных надо сжигать?

– Ну что ты опять говоришь, – вскинулась тётя Тоня. – Не хворые, не больные они, а никакие. А больных или раненных лечить надо, как твоя мама делает. Умная стала ты больно...

Людмила это и сама знала.

Иногда Людмила ела магазинный хлеб и удивлялась: он так приятно пахнул, когда Зорька подъезжала к магазину, но на вкус он был сырым и кислым и противно пахнул керосином. Это было от того, что в пекарне не было масла, а формы, чтоб к ним не приставали буханки, надо было чем-нибудь смазывать – так говорила тётя Люся, которая знала всё, что делалось в посёлке.

А сейчас Людмила, сидя за столом, вдруг услышала торопливые шаги на крыльце; тотчас же, без стука, распахнулась дверь, и тётя Люся с порога прокричала, задыхаясь:

– Вова с фронта пришёл!

Людмила прыгнула со стула:

– Где он? Где?

И тётя Люся торопливо и сбивчиво начала рассказывать, как шла она из горисполкома и около военкомата увидела демобилизованных солдат и среди них Вову, как крикнул он ей, что сейчас получают они документы и пойдут домой. «Весёлый, здоровый, не худой совсем...».

Тётя Тоня засуетилась:

– Надо собрать что-нибудь к столу... А ты, Людмила, иди к калитке и встречай солдата!

Людмила побежала в сад и стала собирать букет для встречи: она видела в кино, которое по субботам привозили в клуб, что солдат встречают цветами. Цветов было много – золотые шары, любимые и красивые. Собрав букет, Людмила подошла к калитке, оглянулась на дом и, поняв, что тёте Тоне не до неё, вытащила спрятанную в траве палку и скинула её крючок на калитке, который тётя Тоня специально устроила высоко, чтобы Людмила не достала, а палку снова спрятала в траве. Она вышла на улицу и стала высматривать Вовку. Его всё не было. Солнце уже спряталось за дом Бабаевых, а на улице было пусто. Медленно, оглядываясь, Людмила дошла до уличного поворота и увидела тётю Зою.

– Солдата с войны ждёшь? – спросила тётя Зоя и сама же продолжила. – Как же дождёшься его, шалопаю. На поляне с мальчишками в футбол гоняет. Дела нет, что родные ждут. Тьфу! – и прошла дальше.

Людмила заплакала, но плакать дальше почему-то не хотелось, хотя было обидно за себя и за Вовку тоже. Не шалопай он, просто весёлый и в футбол давно не играл: на войне нет футбола. Потом снова обиделась, хотела выбросить букет, но пожалела, и вдруг ноги сами понесли её к поляне. Было страшно: вдруг тётя Тоня заругается, но ничего поделать с собой Людмила не могла. Уже на подходе к поляне Людмила услышала азартные крики: «Пасуй... Куда бьёшь, дурак?... Дай мне!.. Офигел совсем...» и многое другое. Людмила хотела сразу заткнуть уши, как велела ей в таких случаях тётя Тоня, но выйдя на поляну, увидела Вовку. В чёрных сапогах, в зелёных солдатских штанах и нижней белой рубаше он был в самой гуще игры, Людмила следила за ним с восторгом и вскоре увидела, как он, оттолкнув Генку, качнулся из стороны в сторону и, обманув этим вратаря Славку, неторопливо и со смаком катнул мяч в пространство между пенком и кирпичом, заменяющими футболистам штанги ворот.

«Гол!!!» прокатилось по поляне, Вовка широко раскрыв рот кричал тоже и смеялся. Людмила запрыгала на месте и завизжала...

– Дядя Вова! Смотри, Людмила пришла, – крикнул кто-то, и Людмила замерла... Вовка шёл к ней, улыбаясь. Он был смешной: голова коротко острижена, уши – торчат...

– Вовочка, – крикнула она, вдруг заплавав, и бросилась к нему, протягивая букет.

– Сестрёнка, сестрёнка, – повторял он и, подбежав к ней, подхватил её на руки.

Людмила сначала испугалась: так высоко она никогда не была, окружившие их мальчишки внизу казались ей маленькими, но потом стало приятно.

– У нас на одного меньше, а мы выигрываем! – сказал Вовка. – Тринадцать – шесть! Я восемь голов забил!

– Нечестно это, – пробурчал Димка-дылда (он был на полголовы выше Вовки, хотя идти в армию ему предстояло только этой осенью). – Ты... Вова, – он слегка запнулся, и Людмила поняла, что он так же, как и другие мальчишки, готов был назвать его дядей Вовой, но не захотел. – Ты, Вова, в сапогах, а мы – без... Ты меня три раза подковал...

– И жилишь ты, дядя Вова, – поддержал Димку-дылду Славка. – Мяч на свободный ушел, а ты кричишь «Корнер, корнер, три корнера – пеналь». Вот и забил с пеналю...

– Жила долго не живёт, жила, жила, – вдруг завопил Мишка-придуток.

– Что? – вдруг нахмурился Вовка. – Я – жила? Я фронт прошёл и жив остался, а вы тут в тылу грелись! Идём домой, Людмила! Чего с ними дураками ласы точить! – и, подхватив с земли гимнастерку и солдатский мешок, пошёл к дому.

Людмила, сидя у Вовки на руках, держала букет и крепко обнимала брата за шею. Ей казалось, что началась новая прекрасная жизнь. Мальчишки бежали за ними и кричали: «Дядя Вова, не обижайся на дураков. Приходи ещё играть!». Людмила радовалась. Всё теперь будет хорошо, скоро с войны придут мама и папа... Она побаивалась только, что послушалась тётю Тоню и одна ушла далеко от дома, но Вовка, конечно, заступится за неё. Он – солдат. Защитник Родины. Он – смелый.

Вечером этого длинного дня, после ужина Людмила сидела за столом и слушала рассказы Вовки о войне, держа в руках привезённую Вовкой с войны трофейную книжку. Книжка была необыкновенной: две картонные обложки и, когда их медленно открываешь, разворачивается цирк. Поднимаются вырезанные из бумаги слоны и дрессировщик; смеётся, разинув рот, клоун, а с двух бумажных столбов по сторонам вдруг срывается веревочка, на которой качается гимнастка. Тётя Тоня что-то спрашивала, Вовка – отвечал. Вообще Людмила уже почти ничего не слышала, голова отяжелела, слова как будто бились о её голову и отлетали обратно, но на предложения тёти Тони идти спать она твёрдо отвечала: «Нет! Не хочу!».

– До чего ж ты упрямая, – сердилась тётя Тоня, – Валаамова ослица и то не такая!

Людмила фыркнула, даже сон прошёл. Она не знала кто такая Валаамова ослица, но ослика видала: на картинке в книжке ослик был похож на лошадку с длинными ушами

и вислыми губами. Конечно она – не такая. Но голова снова отяжелела, даже руками становилось трудно пошевелить.

– Ну, хватит, – вдруг строгим голосом сказал Вовка. – Командир приказал – надо выполнять. Солдаты всегда так делают.

Он подхватил её на руки и понёс к кровати. Людмилке было уже всё равно. Она чувствовала, как тётя Тоня раздевает её, накрывает теплым одеялом и целует.

– Хорошо как! – хочет она сказать, но слова где-то в ней вязнут. Хочет сказать, чтобы трофейную книжку положили рядом, но не может. События дня крутятся перед ней каруселью, но вдруг выплывает злое лицо Димки-дылды и слышится его крик на Вовочку. Грустно становится, и слёзы вдруг начинают катиться из глаз. И плачет Людмила горько-горько, засыпая.

Не знала ещё Людмила всего, что с ней будет. Не знала, что всего через двенадцать дней так же, как сегодня, вбежит к ним в дом тётя Люся и закричит с порога: «Людмила, радуйся! Папка с фронта пришёл! Идёт со станции, я обогнала его!» Что-то тихо спросит тётя Тоня, тётя Люся зашепчет ей что-то на ухо, а та заплачет. Удивится Людмила (зачем плакать, если папа пришёл с фронта) и бросится в сад... Как сегодня нарвёт золотых шаров, уже немного вялых, аккуратно оторвёт плохие лепестки и побежит за калитку. Будет ждать, подпрыгивая на месте от нетерпения, и испугается вдруг. От шоссе к ним на улицу вдруг завернёт незнакомый страшный человек: почернелый, лысый, на костылях, с полуоткрытым ртом и (это особенно поразило её) без зубов. Бросит Людмила букет и убежит в дальний угол сада. И напрасно будет стоять рядом тётя Тоня и спрашивать: «Пойди поцелуй папу... он же на войне за нас за всех ногу потерял...».

Через много-много лет узнает Людмила, что мамин госпиталь направили на войну с Японией и что стоял их эшелон на Курском вокзале в десяти километрах от дома. И, что узнав случайно от майора медслужбы Петровой, тихо плакавшей в тамбуре, что у неё пятилетняя дочь в Никольском, а старший сын на фронте, начальник госпиталя полковник Вульфович за час до отхода эшелона успеет оформить её откомандирование в Московский военный округ.

А сейчас не знала Людмила, что скоро увидит она чужую исхудавшую женщину с не улыбающимися глазами и сжатыми плотно губами и что, держась за тётю Тоню, она осторожно поцелует её в щёку – свою маму.

Не знала Людмила, что через несколько лет отец и Вовка начнут пить... И что в 1951 году пропадут у них из дома все облигации Государственных займов восстановления и развития народного хозяйства... На крупную сумму... Так как маму (уже подполковника медицинской службы) каждый год подписывали на них на два оклада... И будут ссоры и крики в доме... И запретят тёте Тоне приходить на их половину, а Людмилке – ходить на ту... Но когда папа, выпив дневную четвертинку водки, будет засыпать, Людмила будет тайком пробираться к постели уже не встающей тёти Тони и сидеть рядом, держа её за руку и слушая одни и те же слова...

Будет говорить тётя Тоня: «Не брала, не брала я этих облигаций... Ты-то веришь мне, Людмила? За всю войну из маминого аттестата крошки себе не взяла... И эти облигации мне не нужны никогда... А Костя-то теперь через день дома ночует, а вчера привёл ту, востроглазую... Говорит, что будет по хозяйству помогать: я-то слабая. Знаю-знаю я – по какому хозяйству... Ты одна любишь меня, Людмила. Ангел ты мой, рыбонька моя серебряная... Счастливая я всё-таки: есть, кому такие слова говорить».

Всего этого не знала и не могла сейчас знать Людмила, но плакала горько-горько, засыпая...

Но в полусне временами выплывало перед ней смеющееся лицо Вовки, его смешно торчащие уши на коротко стриженной голове, его широко раскрытый рот, кричащий: «Гол!!!» и она улыбалась, всхлипывая.

Сидели два медведя на ветке золотой,
Один сидел спокойно, другой болтал ногой!
Упали два медведя с ветки золотой,
Один летел спокойно, другой болтал ногой!
И Людмила подхватила:
Лежали два медведя под веткой золотой,
Один лежал спокойно, другой болтал ногой!

* * *

Война

Он бегом пересёк безлюдную площадь Курского вокзала... Тёмную площадь военной Москвы... задыхаясь подбежал к углу площади и Земляного вала... Осмотрелся по сторонам. Усмехнулся над собой... Какие машины или троллейбусы? Война.

Спокойно, не торопясь. Пересёк земляной и вбежал в Яковлевский переулок. Он уже был почти что дома... Остановился, перевёл дыхание...

Вспомнилось: девичья фамилия мамочки была Яковлева. Её родители и предки имели здесь когда-то небольшое имение и даже построили церковь. Может быть, поэтому переулок потом так и называли? Он увидит её и поцелует... Милая, милая мама!

Но больше всего хотелось ему сейчас увидеть Ирину и Верочку. Верочке уже десять лет. Вспомнилось: ему было десять и папочка устроил семейную поездку в Европу. Они побывали в Королевстве Бельгия, во Французской Республике, а потом в германской Империи. Это было прекрасно, но вдруг вспомнилось и охватило: Лейпциг, Дрезденская галерея старых мастеров... «Святой Себастьян»... Антонелло да Мессина...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.